АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЗВЕНИГОРОДЪ ОКЛИКАННЫЙ

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЗВЕНИГОРОДЪ ОКЛИКАННЫЙ

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ

1924

Тип. «Франко-Русская Печать» (Дир. О. Зелюкъ) 216, Bd Raspail, Paris.

Посвящаю

С. П. Ремизовой-Довгелло

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ

ТЕПЛАЯ ПЛАМЕНЬ

По какимъ путямъ или которой рѣкѣ пришелъ на Русь Никола Угодникъ?

Или кто принялъ это первое имя — завѣтное русской вѣры?

И почему на русской землѣ это имя стало первымъ — именемъ русской вѣры —

русскимъ Богомъ?

Великимъ ли путемъ изъ Варягъ въ Греки, или Каспійскими воротами — путемъ народовъ Востока, или Желѣзными — угрской дорогой съ закамскимъ серебромъ и алтайскими звѣздами?

Русскій народъ сказкой сказалъ о Николѣ:

свою вѣру,
свои чаянія,
свою правду.

Мудрый раздѣлитель доли, заступникъ даже передъ неумолимой Судиной, помощникъ въ бѣдѣ — вѣдь, не всякій можетъ вынести свою долю! — и въ трудахъ: вѣдь, не всякій можетъ поднять назначенное судьбой!

И самое сокровенное: судія — вѣдь, не только жить на этомъ свѣтѣ или, тотъ, кто живетъ, не отживаетъ ли свою первую жизнь, такъ вѣдь?

И самое тайное: очиститель огнемъ.

И не даромъ два большихъ праздника празднуютъ Николѣ: Никола-вешній послѣ бурной громкой весны — а весна громка только въ Россіи! — въ весеннее воскресеніе въ началѣ мая;

и Никола-зимній (Никольщина) — въ лютый бѣлый декабрь въ короткіе дни чудесныхъ сновъ.

Русскій народъ въ сказкѣ сказалъ Николино слово — свою русскую вѣру.

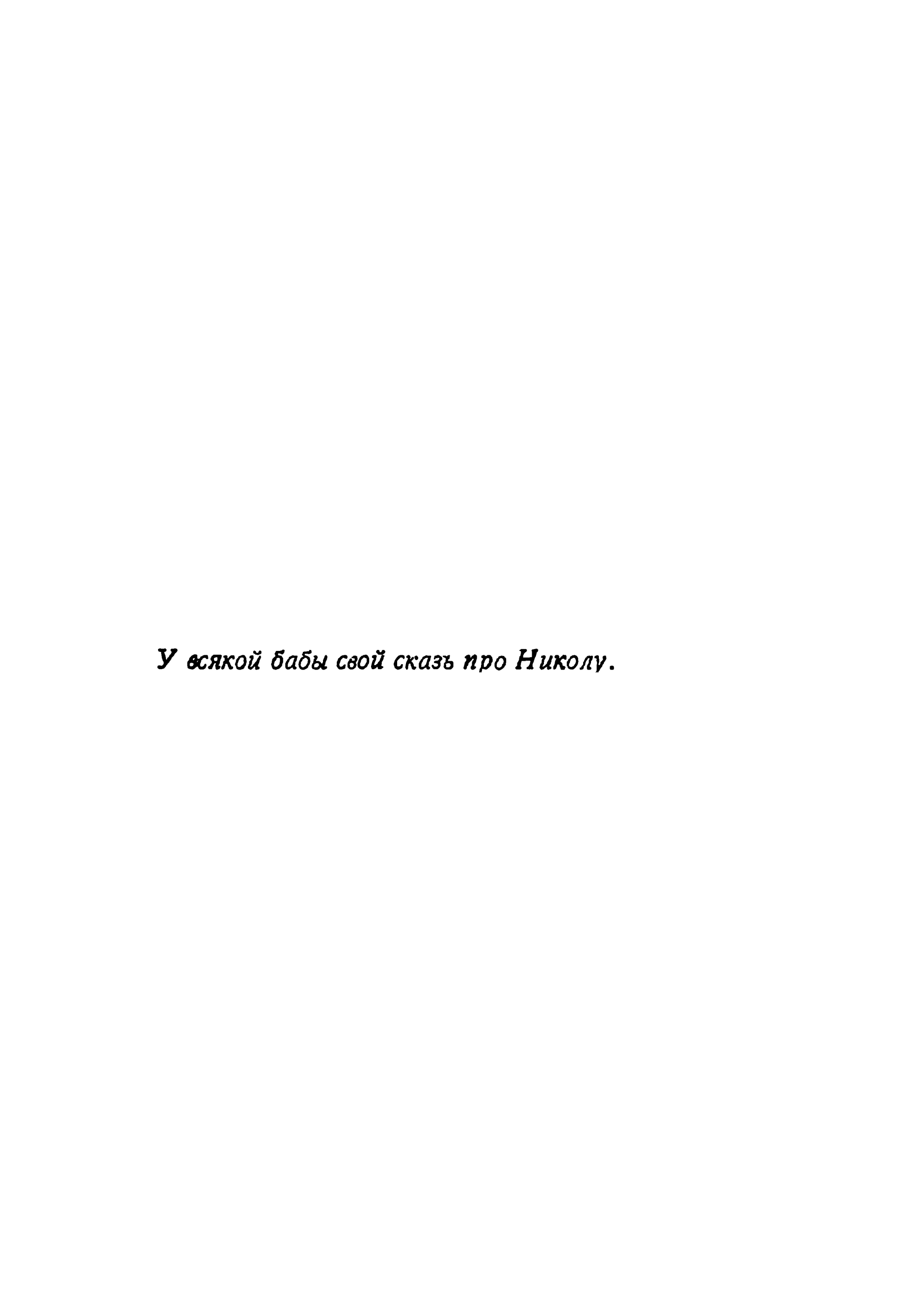
Кто не услышитъ сокровеннаго слова о судѣ, судьбѣ и долѣ, тотъ и по складу сказки приметъ отъ слова теплую пламень и осіяетъ сердцемъ.

И не злоба человѣка къ человѣку, радость затеплится въ сердцѣ — жить на землѣ человѣкомъ.

12.3.1924
Paris-Auteuil.

— *А що буде, якъ Богъ помре?*

— *А Микола святый на що?*

У всякой бабы свой сказъ про Николу.

НИКОЛА УГОДНИКЪ

Чудна нѣкая вещь:

явился Николѣ верхомъ на конѣ съ серпами въ рукахъ ангелъ Господенъ.

«Время жатвы пришло, пробудись, стань и иди на свою землю!».

*

Въ страхѣ проснулся Никола, поклонился гробу Господню, гдѣ неустанно молился за родъ христіанскій, и, по морю ходящій, яко по суху, отошелъ на Русскую землю.

Не узналъ Никола свою Русскую землю.

Вырублена, выжжена, развоевана, стоитъ она пуста-пустехонька и лишь вѣтры вѣютъ по глухимъ степямъ —

и не найти на ней правды.

Уязвился сердцемъ Святитель, поднялъ посохъ и, скорый на помощь, пошелъ по Руси.

Шелъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, съ Волги-рѣки на Москва-рѣку, съ Днѣпра на Поморье —

заушалъ нечестивцевъ аріевъ — беззаконныхъ правителей, забывшихъ слово Божіе,

каралъ лежебокъ-тунеядцевъ и расточителей, не радѣющихъ о своей родинѣ,

освобождалъ невинно-заключенныхъ въ темницы,

останавливалъ мечъ, занесенный надъ головою напрасно осужденныхъ на казнь,

воскресилъ двухъ разрубленныхъ отроковъ,
одарилъ нищихъ-дѣтей погремушками,
обошелъ полевыя межи,
вывелъ къ солнцу буйное жито,
поправилъ яровые зеленые всходы,
покрылъ травой обогрѣтую землю;
и гдѣ вымокло, тамъ подсушитъ,
и гдѣ высохло, тамъ дождемъ польетъ;
надоѣло конямъ стоять во дворѣ — выгналъ въ поле, въ ночное — городи городьбу!

А осень настала, загналъ Угодникъ съ поля коней и пошелъ подъ дождемъ по труднымъ дорогамъ:

тамъ телѣга увязнетъ,
тамъ лошадь не вытащишь, —
на все надо помощь!

Безъ него, какъ безъ рукъ — не поднять мужику полевыя работы.

Все, что сиро и слѣпо, одному ему видно.

Попроси — выручитъ, все скажетъ Спасу, самого Илью умилостивитъ:

не поляжетъ отъ града рожь на земь —
живи, не тужи!

Въ лапоткахъ, сѣденькій, съ посохомъ ходилъ такъ Угодникъ по Русской землѣ съ вешняго Николы всю весну, лѣто и осень до самой Никольщины.

*

Отстоялъ Никола вечерню у Печерской въ Кіевѣ. Второй звонъ звонятъ — пришелъ къ Софіи въ Новгородъ. Третій звонъ звонятъ — идетъ въ Питеръ къ Казанской. А къ великому славословію въ Успенскій на Москву поспѣлъ.

И, поднявъ со всѣхъ вѣтровъ густой большой иней, серебромъ покрылъ отъ края до края всю Русскую землю и благословилъ ее —

свою горькую,
свою голодную,
свою безшабашную,
свою пьяную,

чтобы сумѣла она мудро устроиться, не грѣшила бъ ротозѣйствомъ, самомнѣніемъ, глупостью, не выставляла бъ себя на посмѣшище, не попрекали бъ ее въ лѣности.

И, трижды благословивъ ее великимъ благословеніемъ, пошелъ помаленьку вверхъ по облакамъ на небеса къ райскимъ вратамъ справлять Никольщину.

*

Передъ вратами рая, подъ райскимъ деревомъ за золотымъ столомъ сидѣли угодники Божьи.

Всѣ святые собрались на Никольщину:

Петръ-полукормъ,
Афанасій-ломоносъ,
Тимоѳей-полузимникъ,
Аксинья-полухлѣбница,
Власій — сшиби-рогъ-съ-зимы,
Василій-капельникъ,
Евдокія-плющиха и Герасимъ-грачевникъ,
Алексѣй-съ-горъ-вода,
Дарья-загрязни-проруби,
Ѳедулъ-губы-надулъ,
Родіонъ-ледоломъ,
Руфа — земля-рухнетъ,
Антипъ-водополъ,
Василій-выверни-оглобли и Егоръ-скотопасъ,
Степанъ-ранопашецъ,
Ярема-запрягальникъ,
Борисъ и Глѣбъ — барышъ-хлѣбъ,
Ирина-разсадница,
Іовъ-горошникъ,

Мокій-мокрый и Лукерья-комарница,
Сидоръ-сивирянинъ и Алена-льносѣйка,
Леонтій-огуречникъ,
Ѳедосья-колосяница,
Еремей-распрягальникъ,
Петръ-поворотъ,
Акулина-гречушница — задери-хвосты,
Иванъ-купалъ,
Аграфена-купальница,
Пудъ и Трифонъ — безсонники,
Пантелеймонъ-паликопъ,
Евдокія-малинуха,
Наталья-овсянница,
Анна-скирдница и Семенъ-лѣтопроводецъ,
Никита-рѣпорѣзъ,
Ѳекла-заревница,
Пятница-Параскева,
Кузьма-Демьянъ съ гвоздемъ,
Матрена — зимняя,
Ѳедоръ-студитъ,
Спиридонъ-поворотъ,
три отрока,
сорокъ мучениковъ,
Иванъ-Поститель,
Илья Пророкъ,
Михайло Архангелъ
да милостивая жена Аллилуева, милосердая.

Одного только не было — самого Николы Угодника.

И не разъ посылалъ Илья отроковицу Милостыню —
и возвращалась отроковица одна.

Въ девятомъ часу явился Никола.

Въ лапоткахъ, сѣденькій, съ посохомъ пришелъ Никола къ райскимъ вратамъ — райское платье его поиздергалось, заплатка-на-заплаткѣ, дырявое.

— Что, Никола, что запоздалъ такъ? — спросилъ Илья,

— или и для праздника переправляешь души человѣческія съ земли въ рай?

— Все съ своими мучился, — отвѣчалъ Никола, присаживаясь къ святымъ за веселый золотой столъ, — пропащій народъ: воръ на ворѣ, разбойникъ на разбойникѣ, грабятъ, жгутъ, убиваютъ, братъ на брата, сынъ на отца, отецъ на сына! Да и всѣ хороши — другъ дружку поѣдомъ ѣдятъ.

— Я громъ-молнію нашлю, попалю, выжгу землю! — воскликнулъ громовный Илья.

— Я росы имъ не дамъ! — поднялся Егорій.

— А я моръ пущу, чуму — изомрутъ, какъ псы! — крикнулъ Касьянъ; извѣстно, Касьянъ вгорячахъ Златоусту усы спалилъ!

— Велѣлъ мнѣ ангелъ Господенъ истребить весь русскій народъ-... да простилъ я имъ, — отвѣчалъ нашъ Никола милостивый: — больно ужъ мучаются.

И, возставъ, поднялъ чашу во славу Бога Христа,
создавшаго небо и землю, море и рѣки,
и китовъ, и всѣхъ птицъ,
и человѣка по образу своему и по подобію.
И вдругъ чаша выпала изъ рукъ —
Чаша упала на столъ — не разбилась:
а какъ была, осталась съ краями полна.

Притихнули угодники — всѣ святые — весь райскій пиръ.

— — спитъ Угодникъ — закрыты глаза — —

Разъ окликнулъ Илья —
не слышитъ Никола.
И въ другой окликнулъ —
не просыпается.
Кричитъ Илья въ третій разъ —
и поднялъ Никола голову.

Стали тутъ святые пытать у Николы.

Сталъ Угодникъ святымъ разсказывать:

— Пустился по Студеному морю съ хлѣбомъ корабль, плыли на томъ кораблѣ триста старцевъ соловецкихъ, везли старцы воскъ и медъ, спѣшили на Никольщину въ Миры Ликiйскiя. И застигла буря корабль. Ударили волны — вспелешилось море. Шипѣло. Бурная, надъ вѣтромъ и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы. Скача на бѣломъ хрустально-ногомъ конѣ, рѣзала море, разрывала когтями корабль. Въ твердой вѣрѣ и крѣпко надѣясь, въ голосъ крикнули старцы: «Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ!». Тогда нашла на меня Божья воля, подняло меня Святымъ Духомъ, я пошелъ къ нимъ на море и избавилъ ихъ изъ глуби морской. Велеша угомонилась. И спокойно плывутъ корабли. Вотъ почему задремалъ я — и выронилъ чашу.

— Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ! — воскликнули святые.

Пили святые питiе новое райское, ѣли высокiй пирогъ съ кашей, съ горохомъ, съ капустой.

И пировалъ съ ними Никола — сильный Богомъ, всѣмъ святымъ помощникъ — рѣдкiй ихъ гость, нищелюбецъ, странноприимецъ, вѣчный странникъ, вѣчный труженникъ, чудотворецъ — заступникъ за Русскую землю.

Помилуй насъ, Боже и святой Никола,
гдѣ бы ты ни былъ, явись къ намъ!

НИКОЛИНЪ ЗАВѢТЪ

За Онегой — гремучимъ моремъ жилъ одинъ богатый мужикъ сильный, да своихъ не трогалъ и отъ народа честь ему шла, Филиппомъ звали.

Была у него семья большая — и всѣхъ сыновей на войну погнали воевать, и остался онъ со старухой, да невѣстки съ ними.

И случилось на Николу, лежитъ Филиппъ ночью, раздумываетъ —

и праздникъ пришелъ, престолъ въ ихъ селѣ, а
отъ сыновей ни слуху!

И стало ему смутно, не до сна, и жалко.

И слышитъ —

среди ночи звонъ.

Прислушался —

или вѣтеръ?

Нѣтъ, звонили въ колоколъ.

Всталъ Филиппъ и пошелъ изъ двора, разбудилъ стариковъ.

— Слышали, — говоритъ, — что?

— Да, — говорятъ, — въ колоколъ ударили.

Пошли въ церковь.

А ночь была крѣпкая, да такая свѣтлая —

звѣзды, какъ птицы, плыли изъ конца въ конецъ,
бѣлыя надъ бѣлой землей.

Подошли къ колокольнѣ.

Смотрятъ —

на колокольнѣ нѣтъ никого,
а звонитъ —

Разъ пять ударило въ колоколъ.
Вызвался Филиппъ: дай самому развѣдать.
Поднялся на колокольню и видитъ —
стоитъ подъ колоколомъ старичокъ, такъ нищій
старикъ, ни руками, ни ногами не двигаетъ —

А колоколъ звонитъ.
— Ты кто? — спрашиваетъ нищій старикъ.
— Я Филиппъ съ Николиной тропы, а ты кто?
А старикъ только смотритъ, да добро такъ, милоство:
«Филиппушко, молъ, аль не признаешь?».
У Филиппа духъ захватило —
сложилъ Филиппъ руки крестомъ.

— Прости, — говоритъ, — ты меня, Никола — угодникъ Божій... и зачѣмъ ты звонишь ночью?

— А звоню я, — говоритъ угодникъ, да сталъ такой грозный, — я звоню, потому что крещеные грѣшатъ, часа не помнятъ, землю свою забываютъ. За землю всякому пострадать надо. А имъ бы только чаю, кофею попить. Ступай и скажи, пусть всѣ знаютъ, а не то я на нихъ наказаніе пошлю.

— Не повѣрятъ, коли словами скажу, — сказалъ Филиппъ.

Онъ стоялъ передъ Угодникомъ —
руки крестомъ сложены.

— Повѣрятъ! — сказалъ Угодникъ Божій.

И благословилъ милостивый Никола — итти Филиппу къ народу по землѣ родимой:

— За землю всякому пострадать надо.
Филиппъ хотѣлъ протянуть руку —
а рукъ не разжать.
Крестомъ сложены руки — такъ сошелъ съ колокольни.
И разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ и что съ нимъ стало —
крестомъ сложены руки.

А на утро, по обѣднѣ, Филиппъ простился съ домомъ, со старухой. Всѣмъ міромъ проводили Филиппа.

И пошелъ онъ изъ родного погоста мимо избъ осиротѣлыхъ по дальнимъ страднымъ дорогамъ, укрѣпляя народную думу, силу и вѣру —

пострадать за родимую землю.

НИКОЛИНЪ ДАРЪ

Жилъ одинъ бѣднякъ, Ивапомъ звали.

Не велико у него было хозяйство — земли немного; и жизнь нелегкая — одинъ, какъ перстъ, безъ семьи остался. Да не возропталъ — принялъ Божье, и все, бывало, пѣсни поетъ, такой ужъ.

Разъ пашетъ Иванъ поле — пшеницу сѣетъ.

Разсѣялъ, пашетъ, за собой борону возитъ, самъ пѣсни поетъ — и уперся концомъ въ дорогу.

А по дорогѣ два путника:

сѣденькій одинъ съ посохомъ,
другой не старъ, не младъ, грозный.

Илья говоритъ Николѣ:

— Что это, Никола, человѣкъ-то больно веселый, поетъ?

— Да, видно, кони у него, слава Богу, ходятъ, нужды не знаетъ, вотъ и поетъ.

Поровнялись путники.

— Богъ помощь тебѣ, Иванушка! — сказалъ Никола.

— Добро пожаловать, старички любезные! — снялъ Иванъ шапку.

А Илья и говоритъ:

— Что больно веселъ?

— Что мнѣ не веселиться! Лошадки ходятъ ничего — а мнѣ больше ничего не надо, только бы батюшка Никола — угодникъ пшенички зародилъ.

Пошли странники своею дорогой.

Шли, святые, по полямъ, по раздолью весеннему.

Говоритъ Илья Николѣ:

— Что этотъ сказалъ? Развѣ пшеницу ты родишь? Вѣдь, не ты? Эту я премудрость творю.

— Какъ его судить, — заступился Никола, — человѣкъ простой: гдѣ ему знать про такое!

— Ну, ладно жъ, я ему урожу пшеницу, по колѣно будетъ — и градомъ прибью!

*

И уродилъ грозный Илья великій такую пшеницу:

посмотришь, душа не нарадуется.

«Вотъ урожай! Вотъ Богъ счастье послалъ, Никола угодникъ помиловалъ. Хлѣба-то будетъ, дѣвать некуда».

*

Вечеромъ вышелъ Иванъ, сталъ за околицей, пѣсни поетъ.

И видитъ:

по весеннему полю идетъ старичокъ сѣденькій съ посохомъ.

— Добро жаловать, дѣдушка.

Жаль Николѣ бѣднягу:

все вѣдь прахомъ пойдетъ!

— Слушай, Иванушка, ты пшеницу продай.

— Какъ же такъ, — оторопѣлъ Иванъ, — такую хорошую! Да и что за такую просить?

— Проси, сколько хочешь, все дадутъ. Смотри же, продай!

И пошелъ.

*

Иванъ послушалъ и продалъ пшеницу:

сладилъ ее богатый сосѣдъ за сто рублей.

И, не кончился день, какъ взмыло тучу большую: какъ ударитъ, съ громомъ прошла гроза — градомъ побило пшеницу —

как ножомъ, весь хлѣбъ срѣзало.

По разоренному полю идетъ Никола.

А навстрѣчу Илья.

— Посмотри, что я сказалъ, то и сдѣлалъ: вотъ оно — поле Иваново!

— Нѣтъ, не Иваново, — сказалъ Никола, — пшеницу онъ продалъ, это поле Гундяево. Праваго ты разорилъ, то-то, чай, плачетъ.

— Ну, такъ поправлю я ниву, — поправилъ Илья, — онъ отъ этой громобойной пшеницы двадцать сотъ нажнетъ съ десятины.

*

Къ ночи приходитъ Никола подъ окно къ Ивану:

жалко ему бѣднягу, не къ рукамъ добро достанется.

А Иванъ Угоднику молится, что того старичка надоумилъ такой совѣтъ подать. И какъ увидѣлъ, обрадовался:

проситъ на ночлегъ остаться.

Нѣтъ, Николѣ не время — путь ему дальнiй.

— Купи назадъ пшеницу-то.

— Да, вѣдь, она, дѣдушка, больно побита.

— Ничего, купи. Скажи, что на кормъ скосить годится. Въ убыткѣ не будешь.

Поблагодарилъ Иванъ старичка и чуть свѣтъ къ сосѣду —

откупать пшеницу.

А тотъ несчастный радъ-радехонекъ — бери хоть даромъ! — да за полцѣны и отдалъ.

Отдалъ и прогадалъ.

Откуда что взялось, пшеница пошла и пошла.

И такой уродился хлѣбъ высокій да частый, а колосъ полный, такъ и гнется, такъ къ землѣ и гнется —

золотая нива, благодать!

И въ страду много Иванъ нажалъ сноповъ и выжалъ всю — двадцать сотъ нажалъ.

*

Въ полѣ встрѣтилъ Никола Илью:

грозный, весело смотритъ.

— Вотъ у кого я градомъ убилъ, тому и уродилъ! Онъ ее и выжалъ совсѣмъ.

— Да, тотъ, кто посѣялъ, тотъ и пожалъ. Вѣдь пшеницу-то Иванъ назадъ купилъ.

— Какъ такъ купилъ...

— Такъ и купилъ.

И разсказалъ Ильѣ Никола, какъ богатый сосѣдъ Гундяевъ въ несчастьѣ за полцѣны Ивану громобойное поле отдалъ.

— Такъ я жъ ему умолоту не дамъ!

И пошелъ — гроза! — какъ гроза.

*

Не оставилъ Никола бѣднягу: въ ночи пришелъ подъ окно.

Куда сонъ, — не знаетъ Иванъ, какъ отблагодарить гостя.

— Молотить будешь, — училъ старичокъ, — сади на овинъ, да не понемногу, по пяти сноповъ: въ углы по снопу поставь, пятымъ окошко заткни.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Долго Иванъ молотилъ и все обмолотилъ: со снопа по пудовкѣ сошло.

Со снопа по пудовкѣ! — да такого умолоту съ роду не бывало.

По закромамъ, по клѣтямъ, по набитымъ амбарамъ дознался Илья и не дай Богъ! — еще слава Богу, что Никольщина близко.

— Ладно, повезетъ на мельницу, я ему примолу не дамъ.

И не далъ.

Повезъ Иванъ на мельницу три пудовки молоть, смололъ — а осталось двѣ. Куда третья? —

а не знаетъ, что Илья взялъ!

Раздумывалъ бѣдняга — и придумать ничего не могъ.

*

Въ ночи старичокъ постучалъ подъ окномъ.

Обрадовался Иванъ и все ему разсказалъ про напасть.

— Вотъ что, Иванушка, испеки ты изъ этой муки пшеничной два пирога. Да съ молитвой посади! И ступай съ ними къ обѣднѣ: одинъ положи себѣ на голову — то Ильѣ грозному, а другой подъ правую пазуху — то Николѣ милостивому.

Вотъ на Николу раннимъ утромъ, когда еще звѣзды не всѣ погаснули, вышелъ Иванъ по морозцу въ церковь къ обѣднѣ.

По дорогѣ странникъ ему навстрѣчу —

не старъ, не младъ, грозный.

— Куда пирожки-то несешь?

— На головѣ — батюшкѣ Ильѣ великому, а подъ правой пазухой — Николѣ угоднику! — сказалъ Иванъ.

И какъ услышалъ Илья отвѣтъ мудрый, умирился и пересталъ грозить.

И съ той поры зажилъ Иванъ безъ опаски: двѣ пудовки весь годъ бралъ и не убывало —

Николинъ даръ щедрый.

НИКОЛИНА СУМКА

I.

Шелъ солдатъ съ войны домой.

Дошелъ до часовни, вспомнилъ — завѣщана у него была Николѣ свѣчка! — поставилъ свѣчку.

И денегъ у него ужъ ни копѣйки.

Идетъ перелѣскомъ, ѣсть захотѣлось сильно, а жилья близъ нѣту. И такъ ему горько:

изойдетъ онъ голодомъ, не дойти и до дому на свою землю!

И вдругъ ѣдетъ конь вороной, на конѣ дѣтина: ѣстъ пирогъ съ яицами, съ говядиной —

пирогъ теплый, только парокъ идетъ.

Поравнялись.

— Дай пирожка закусить! — проситъ солдатъ.

— Давай три копѣйки, половину отломлю.

— Денегъ у меня нѣту, а солдату не грѣхъ и такъ дать.

А тотъ дернулъ лошадь и поѣхалъ —

самъ подъѣдаетъ пирогъ вкусно.

И пошелъ солдатъ ни съ чѣмъ.

Гдѣ грибокъ сломаетъ, гдѣ корочку сдеретъ, сочку поскоблитъ руками — такъ и шелъ.

И вышелъ на дорогу, а отъ сырья все нутро переворачивается.

«Экій безсовѣстный, не далъ мнѣ пирога!» — пенялъ солдатъ.

И такъ ему горько — вотъ упадетъ —
не дойти и до дому на свою землю.
И видитъ, изъ-за кривуля идетъ старичокъ.
Поравнялись.
Поклонился солдатъ старику, старикъ солдату —
И разошлись.
Доходитъ солдатъ до кривуля — лежитъ сумка. Поднялъ сумку:
«Видно, старичокъ потерялъ!»
Да съ сумкой назадъ.
— Сумку потерялъ! — кричитъ, — сумку потерялъ!
А ужъ старичка не видно нигдѣ.
Ну, не бросать же добро, и взялъ себѣ солдатъ сумку.
Идетъ солдатъ дорогою, въ нутрѣ сверлитъ, ѣсть хочется.
«Что-то въ сумкѣ, дай посмотрю: не хлѣбъ ли?»
Развязалъ сумку —
хлѣба два куска лежатъ.
Вынулъ хлѣбъ, позаправился.
«Кваску бы испить!»
Пошарилъ въ сумкѣ —
бутылка.
Вынулъ бутылку — квасъ. Вотъ такъ сумка! Попилъ кваску всласть и весело пошелъ:
теперь-то дойдетъ на свою землю.

2.

Доходитъ солдатъ до усальбы:
поставленъ новый домъ — большое зданіе, а рамы всѣ переломаны, на крышѣ воронье.
«Какое зданіе, и пустуетъ!»
Заглядѣлся солдатъ и въ толкъ не возьметъ.
Постоялъ и пошелъ. Навстрѣчу староста.
— Чей это домъ, дѣдушка?
— Нашего барина домъ.

— Что же въ немъ не живутъ?

— А работали мастера съ бариномъ, самъ баринъ старался и ни вѣсть съ чего полонъ домъ насажали чертей. Оттого и не живутъ.

— А что бы ихъ оттуда спровадить изъ дома?

— Возьмешься, баринъ спасибо скажетъ.

— Попробою. И не такое гоняли.

Староста побѣжалъ къ барину.

— Берется солдатъ вывести чертей изъ дому!

— Слава Богу, коли берется! Возьми его къ себѣ и что ему нужно, то и дай.

Вернулся староста отъ барина и повелъ къ себѣ солдата.

Сѣли обѣдать. И до самаго вечера все сидѣли, разсказывалъ староста о домѣ да о чертяхъ домашнихъ.

Надо ужъ солдату итти въ домъ чертей выгонять, а староста и проводить отказывается.

— У насъ, — говоритъ, — о эту пору не то, что къ дому, а и около никто не ходитъ. Игнашка, внучонокъ, взялся воронье спугнуть — подставилъ лѣстницу, а они его оттуда какъ шуркнутъ, что душа вонъ. Игнашка и до сей поры у чертей тамъ.

Ну, что подѣлаешь! Наказалъ солдатъ старостѣ, —

чтобы какъ можно горячѣе кузнецы грѣли горна!

а самъ взялъ солому, ключи и для случая топоръ, зажегъ фонарикъ и пошелъ одинъ.

И въ домѣ тамъ отперъ дверь и поднялся по лѣстницѣ.

3.

Ходитъ солдатъ по комнатамъ и все поахиваетъ.

— Проклятая сила, какое зданіе завладѣла!

Вошелъ въ самую заднюю комнату, затворилъ за собою плотно двери, разостлалъ солому, окрестился — сумочку подъ голову, легъ и задремалъ.

*

И слышитъ, по дому пошелъ шумъ, стонъ.

Вотъ какой-то подбѣжалъ къ дверьямъ, кричитъ:
«Ребята, — кричитъ, — это кто-то есть.»
И набѣжало много, скребутся.
«Ой, — запищалъ одинъ, — солдатишко!»
«Не солдатишко, а солдатъ, Иванъ Силантьевичъ Тарасовъ, — прикрикнулъ солдатъ, — воевалъ за Россію, слышите, черти! Убирайтесь вонъ, пока цѣлы!»

Отвалились отъ двери и въ домѣ все затихло.

*

И снится солдату —

держитъ онъ бутылку и наливаетъ стаканъ вина и только сказать «Господи благослови» и пить, хвать, а вмѣсто стакана топоръ у него въ рукахъ. И идетъ, въ которомъ полку онъ служилъ, генералъ и съ нимъ мать и отецъ его, старики.
«Ты, Тарасовъ, что жъ это сбѣжалъ?»
Мать и отецъ просятъ:
«Ступай, Ванюшка, послужи!»
«Нѣтъ, ему не жаль васъ, — говоритъ генералъ, — эй, вздуйте ихъ хорошенько!»
И откуда ни взялись три кривыхъ бѣсенка и ну ломать и рвать стариковъ.
Заплакали старые и опять просятъ:
«Вернись!»
«Да у меня руки нѣтъ и грудь прострѣлена!» — отвѣчаетъ солдатъ и глазамъ не вѣритъ:
рука на мѣстѣ и дышать легко.
А тѣ разсмѣялись и побѣжали прочь.

*

Солдатъ раскрылъ глаза:

своды у дома раздвинулись и, какъ паукъ,
спускается на него тотъ самый дѣтина,
что пирога ему не далъ, спускается пау-
комъ, путаетъ — и ужъ дышать стало трудно.

И пало въ умъ солдату: сгребъ онъ сумку да паука и толкнулъ —

паукъ обернулся кошкой.

Онъ ее за хвостъ да въ сумку.

И съ сумкой бѣжать —

Прибѣжалъ солдатъ въ кузницу, шваркнулъ сумку на наковальню. А въ горнѣ до того горитъ, что страсть.

Да какъ лопнулъ — кувалда вылетѣла. Схватилъ другую.

— Ами́нь! — говоритъ.

И давай шлеять:

что кокнетъ, то аминь.

Исколотилъ всего чорта, вышелъ изъ кузницы —

вытряхнулъ изъ сумки пепелокъ одинъ только.

— Ну, теперь можешь итти, кузнецъ, спать и я пойду.

И вернулся въ домъ въ самую заднюю комнату и на тѣ же три обмолотка легъ.

И спалъ до утра — ничего не слышалъ.

*

На утро пришелъ солдатъ къ старостѣ.

— Ступай-ка, дѣдушка, смотри-ка, въ домѣ все изломано.

— Мы это знаемъ ужъ.

— Скажи барину, что чертей я выгналъ.

Обрадовался баринъ и сейчасъ же съ солдатомъ въ домъ.

Прошли по всѣмъ комнатамъ, нашли костье Игнашкино, а чертей въ поминѣ нѣтъ — всѣ ушли.

На радостяхъ не хочетъ баринъ отпускать солдата.

— Сколько хочешь, бери, оставайся!

А солдату домой хочется, къ старикамъ, на родную землю.

Далъ ему баринъ денегъ, запрягъ тройку — поѣхалъ солдатъ домой на тройкѣ.

И тамъ живетъ хорошо, слава Богу.

НИКОЛИНЪ ОГОНЬ

Ходилъ по Божьему свѣту Никола Угодникъ.

Много прошелъ, весь свѣтъ исходилъ и осталось всего ничего — три деревни.

Зашелъ онъ въ первую деревушку.

Окружило ребятье.

— Тальянецъ, — кричатъ, — пришелъ! На шарманкѣ заиграетъ.

Выскочили мужики и бабы, обступили.

— Эй, старичокъ, гдѣ у тебя машина? Камаринскаго намъ бы сыгралъ, а мы бъ поплясали!—ржутъ, что жеребцы стоялые.

Обидно стало Угоднику, пошелъ онъ въ другую деревню.

А тамъ не слаще:

никуда его не пускаютъ!

А ужъ на дворѣ вечеръ.

Въ одной избѣ боятся:

чертей напуститъ.

Въ другой:

стянетъ.

Въ третьей:

цыганъ переодѣтый.

А въ четвертой —

мужикъ за колья принялся.

Идетъ Никола въ третью деревню.

Идетъ по деревнѣ —

а на него пальцемъ.

А въ одномъ домѣ совсѣмъ пе пустили.

— Крестъ-то на тебѣ есть?

— Есть.

— А ну-ка перекрестись.

Перекрестился.

— А прочитай «Да воскреснетъ Богъ».

Прочиталъ.

— А прочитай «Вѣрую».

Прочиталъ «Вѣрую».

— А «изжени отъ меня всякаго лукаваго» знаешь?

Старичокъ-то и запамятовалъ.

— Нѣтъ, — говоритъ хозяинъ, — вонъ уходи: «Вѣрую» не рѣчисто читалъ и «изжени» совсѣмъ не знаешь. И не проси. Молитвы не твердо знаешь, я такихъ не люблю.

А на дворѣ ужъ ночь — глазъ выколешь.

Вѣтеръ воетъ.

Забрелъ Угодникъ въ послѣднюю избу. Бобыль одинъ жилъ. Покормилъ старичка бобыль, принесъ соломки и шубу далъ.

И легли спать.

*

Раннимъ ранешенько поднялся бобыль рожь молотить. Всталъ и Никола, помогать пошелъ бобылю за хлѣбъ, за соль.

Махали, махали цѣпомъ, уморились.

— Вотъ что, добрый человѣкъ, дѣлай-ка ты по-моему!

Взялъ Никола спичку и поджегъ скирды.

Запылали скирды, горятъ — бѣлый огонь — а не сгораютъ:

соломинка къ соломинкѣ ложится,
зернышко къ зернышку.

И черезъ какой часъ всѣ скирды сами обмолотились, —
зерно чистое, крупное и вѣять не надо.

Распростился съ бобылемъ Угодникъ и отправился въ свою путь-дорожку.

*

А на завтра разсказалъ бобыль сосѣдямъ о своемъ гостѣ — о старичкѣ чудномъ,

как онъ хлѣбъ молотилъ.

— Попробуемъ и мы этакъ помолотить! — рѣшили мужики.

И подожгли скирды —

запылали скирды, а отъ нихъ избы.

И отъ всей деревни остались одни столбы.

НИКОЛИНЪ УМОЛОТЪ

Гнѣвъ Ильинъ или такъ тому отъ Бога быть положено для опамятованія людямъ и разуму, большая была засуха.

И сгорѣла рожь и овсы.

Кто побогаче, возили воду и поливали —

и у тѣхъ на нивѣ еще кое-что уцѣлѣло.

А у бѣдняковъ ничего — чистое поле.

Сидятъ мужики на кулишкахъ, о своей бѣдѣ гуторятъ.

А шелъ съ поля старичокъ-странникъ.

Пріостановился.

— Что это вы, добрые люди, пригорюнились?

— А видѣлъ, чай, на поляхъ-то что дѣется! Неоткуда намъ и помощи ждать.

Посмотрѣлъ старичокъ, головой покивалъ: пожалѣлъ, видно.

— А давайте, дѣтушки, мнѣ ржи горстку! — сказалъ старикъ.

А тѣ и не знаютъ, зачѣмъ ему рожь? Ужъ не подшутить ли задумалъ надъ ними старикъ:

народъ-то нынче всякій — и надъ чужой бѣдой посмѣяться радость себѣ найдетъ.

А другіе говорятъ:

— Принесите, ржи, можетъ, наговоръ какой сдѣлаетъ.

И согласились. Кликнули ребятъ. Полное лукошко принесли.

Взялъ себѣ старичокъ ржи горстку.

— Проведите, — говоритъ, — меня ко всякому дому: мнѣ посмотрѣть надобно.

Пошли, повели старика.

И ни одну избу не обошелъ старикъ —

и вездѣ на загнеткахъ у запечья по зерну клалъ.

А къ ночи ушелъ.

Хватились покормить старика, а его ужъ нѣтъ нигдѣ.

Такъ и легли.

Такъ и прошла ночь.

*

А когда на утро проснулись — и проснулась съ ними горькая дума —

Что за чудеса? — глазамъ не вѣрятъ:

рожь во всѣ устья вызрѣла

и въ каждомъ домѣ, гдѣ положилъ старикъ зернышко, колосъ изъ трубы выглядываетъ,

и на божницахъ лампадки горятъ передъ Николою.

А на поле посмотришь — залюбуешься:

колосъ къ колосу.

Богъ помиловалъ — уродилъ хлѣбъ. И умолотъ былъ, не запомнятъ: по полтысячи мѣръ всякій набилъ.

Поминали странника-старичка —

Николу Милостиваго.

НИКОЛИНА ПОРУКА

I.

На яромъ яру высоко жилъ-былъ богачъ Антипъ.

Скупой и расчетливый, сколачивалъ Антипъ деньгу и даромъ, хоть помирай, не дастъ, подъ работу не дастъ.

А былъ бѣднякъ Сергѣй, и до того дошелъ голодомъ, хоть помирай.

Вотъ думалъ онъ, думалъ, какъ изъ бѣды выкарабкаться, и говоритъ женѣ:

— Я, Марья, пойду къ Антипу.

— Глупый, да вѣдь онъ же такъ никому не даетъ.

— Дастъ. Я придумалъ.

И пошелъ.

Пошелъ Сергѣй къ богачу просить денегъ.

— Антипъ, батюшка! Не дай помереть съ голоду.

— Нѣтъ, братъ, я денегъ никому не даю, никогда.

— А ежели я тебѣ приведу пoруку?

— А кто такой?

— Никола. Есть у меня, на божницѣ стоитъ образъ, Никола. Онъ за меня и будетъ порукой.

Антипъ погладилъ бороду, прямо-то отказать не смѣетъ: набожный былъ человѣкъ Антипъ, въ божественномъ твердый.

— Ты ужотко приходи вечеркомъ, я подумаю.

— Хорошо, приду, — согласился Сергѣй.

И пошелъ.

Пошелъ Сергѣй домой:

будутъ у нихъ ужотко деньги, поправятся, не помрутъ съ голоду.

— Антипъ-то мнѣ поддался: велѣлъ притти вечеромъ! — думалъ Сергѣй жену обрадовать.

— Что же ты сказалъ ему?

— А поручился Николой.

— Ой, что ты надѣлалъ!

— Глупая, кому-кому, а ему все видно: Никола не выдастъ.

Вечеръ насталъ. Снялъ Сергѣй образъ съ божницы.

— Марья, одѣнься потеплѣе да иди за мной, стань тамъ у избы подъ окномъ и слушай. И когда услышишь: «Батюшка Никола Чудотворецъ, скажу, поручись за меня!» ты тамъ и отвѣчай толстымъ голосомъ, погромче, «поручаюсь,» молъ.

Закуталась Марья въ теплый платокъ, а сама дрожьмя дрожитъ.

— Да ты не бойся! Кому-кому, а ему все видно: Никола не выдастъ.

И пошли.

Пошелъ Сергѣй съ образомъ — съ Николою.

За нимъ Марья.

2.

Темно было на улицѣ.

Мело, крутила метель.

Осталась Марья стоять на улицѣ, Сергѣй съ образомъ къ Антипу въ домъ вошелъ.

— До вашей милости.

— Ну, а поруку привелъ?

Сергѣй поставилъ образъ на божницу.

Тутъ хозяйка Антипова вошла въ горницу.

Помолился Сергѣй.

— Батюшка Никола Чудотворецъ, поручись за меня!

Поднялся и Антипъ на ноги, глядитъ на икону:

поручится ль Угодникъ?

— Поручаюсь! — услышали голосъ.

Тихимъ голосомъ сказалъ тамъ кто-то, а внятно, всѣ его услышали:

[illegible] и Сергѣй

[illegible] и Антипъ

и Антипова хозяйка.

Оробѣлъ Антипъ.

— Жена, слышала?

— Слышу.

— А много ль тебѣ, Сергѣй, надо?

— Много, —оробѣлъ и Сергѣй: что-то не узналъ онъ Марьина голоса, — много: сотню!

— Дай ему двѣ, — сказала хозяйка Антипова.

Антипъ отперъ сундукъ и вынулъ двѣ сотенныхъ.

— Сроку — время на сколько?

— До новаго году, — сказалъ Сергѣй.

И съ деньгами вышелъ на улицу.

Темно было на улицѣ.

Мело, крутила метель.

— Пойдемъ домой, Маша! — тихимъ голосомъ скавалъ Сергѣй женѣ.

А Марья дрожьмя дрожитъ.

На другой же день накупили они всего себѣ — съ деньгами все можно достать!—и сахару, и муки, и крупъ всякихъ, и дровъ купили:

то-то огнекъ въ печи заиграетъ весело!

И стали жить да поживать.

3.

Прошло Рождество, подходитъ Новый годъ:

надо долгъ платить, а платить нечѣмъ.

Расчитывалъ Сергѣй, вотъ поправится, заработаетъ, —

кое-что и выручитъ, да такую уйму гдѣ-жъ достать:

цѣлыхъ двѣ сотни!

И насталъ Новый годъ — не несетъ Сергѣй долгу.

Подождалъ Антипъ день и еще день, досадно ему:

какъ вѣдь повѣрилъ и такой обманъ вышелъ!

На третій день Антипъ взялъ образъ Николы и понесъ на базаръ. И весь день ходилъ по базару — и никто не купилъ образа.

И досадовалъ Антипъ, пенялъ Николѣ:

«Какъ же такъ: лично говорилъ, ручался за бродягу, и такой обманъ!»

И ужъ не надо ему никакихъ денегъ, только бы сердце успокоить:

какъ вѣдь повѣрилъ и такой обманъ вышелъ!

Позднимъ вечеромъ идетъ Антипъ назадъ домой, несетъ икону, себя не помнитъ.

А навстрѣчу ему старичокъ.

— Ты куда, сынокъ?

— Продаю образъ, — сказалъ Антипъ, какъ говорилъ весь день.

— А сколько возьмешь?

— Ничего мнѣ не надо.

Старичокъ взялъ икону, вынулъ двѣ сотенныхъ, подалъ Антипу.

— Ну, иди съ Богомъ, сынокъ.

*

Пробирался Антипъ по рѣкѣ къ дому — совсѣмъ ужъ темно было — крѣпко держалъ въ кулакѣ деньги.

Запорошило у берега — тонкій ледъ, скользко—поскользнулся Антипъ, присѣлъ —

а подняться не можетъ.

И такъ и сякъ — не можетъ.

И ну кричать.

На крикъ сбѣжались: узнали:

и понесли его на рукахъ домой.

И съ той поры обезножилъ Антипъ, и никакія деньги не подымутъ.

Такъ и остался сиднемъ страдать.

НИКОЛИНО СТРЕМЯ

I.

Жилъ-былъ бѣдный мужичонка, Моргуномъ прозвали.

Бился, старался Моргунъ до кроваваго поту, а ни въ чемъ счастья нѣтъ.

Городитъ Моргунъ огородъ у дороги, ѣдетъ Никола Угодникъ.

— Богъ помочь, мужичокъ!

— Милости просимъ! Куда ѣдешь, Угодникъ?

— Къ Спасу.

— Милостивый Никола, спроси у Спаса: есть ли мнѣ въ чемъ счастье?

— Хорошо, спрошу.

— Да ты позабудешь.

— Не по-забуду.

А видѣлъ мужичонка:

стремена въ сѣдлѣ у Николы золотыя.

— Милостивый Никола, отвяжи стремено, да оставь мнѣ! Станешь у Спаса на коня садиться, а стремена нѣтъ, ты обо мнѣ и вспомнишь.

Послушалъ Угодникъ, отвязалъ стремя, отдалъ мужичонкѣ — и объ одномъ стремени поѣхалъ къ Спасу.

И прiѣхалъ Угодникъ къ Спасу и пора ему назадъ возвращаться, — и забылъ онъ спросить про счастье-то.

— Спасъ Пречистый, Истинный! Мужичонка Моргунъ мнѣ наказалъ про счастье спросить, несчастный: есть ли ему счастье?

— Есть, есть счастье.

— Какое же ему счастье?

— А ему счастье: воровать и божиться.

2.

Городитъ Моргунъ огородъ у дороги, ждетъ Николу:
Никола Угодникъ скажетъ про счастье!

Отощалъ совсѣмъ мужичонка.

А Никола Угодникъ и ѣдетъ.

Подъѣхалъ къ мужичонкѣ.

— Спросилъ, милостивый Никола, о счастьѣ?

— Спросилъ, спросилъ! Есть тебѣ счастье.

— Какое же мнѣ счастье?

— А счастье твое: воровать и божиться. Давай же стремено-то!

А Моргунъ стоитъ, ровно оглохъ.

— Давай, говорю, стремено!

— Какое стремено? Я, вотъ те Христосъ, знать не знаю: стремено?!

Такъ объ одномъ стремени и поѣхалъ Никола — поѣхалъ по землѣ русской, по бездолью нужду вывѣдывать, скорый помощникъ и милостивый.

3.

Мужичонка вывѣсилъ на колъ золотое стремя —
какъ солнце, засіяло стремя!
самъ принялся за городьбу.

А ѣхалъ по дорогѣ изъ Питера баринъ на тройкѣ — позванивалъ колокольчикъ. Издалека увидѣлъ онъ золотое стремя и прямо направилъ на мужика.

Остановилъ коней у кола.

— Ты, мужикъ, укралъ стремя?

— Ваше благородіе, вотъ те Христосъ, стремено мое.

— Врешь, я тебя въ судъ представлю.

А Моргунъ стоитъ на своемъ, клянется, божится:

— Я и въ судъ пойду, стремено мое.

Снялъ баринъ стремя съ кола, мужичонкѣ велѣлъ садиться къ кучеру, и поѣхали въ судъ.

Дорогой приглядѣлся баринъ къ мужику.

— Ой, — говоритъ, — и рвань же на тебѣ! Стыдно и на судъ съ такимъ ѣхать. На, вотъ, мое пальто, надѣнь.

И нарядилъ мужика: и шляпу и сапоги изъ чемодана ему вынулъ, все честь-честью, — и не узнать.

*

Бариномъ прiѣхалъ Моргунъ въ судъ.

И доказываетъ на него баринъ, —

что не иначе, какъ укралъ онъ золотое стремя.

— Вотъ те Христосъ, мое стремено! — стоитъ на своемъ мужичонка.

И всѣ вѣрятъ.

Поглядѣлъ Моргунъ на барина.

— Ты скажешь, что у меня и пальто твое?

— Мое и есть.

— И тройка твоя?

— Да, конечно, моя!

— А вотъ те Христосъ, и пальто мое и тройка моя!

И всѣ вѣрятъ.

Повѣрили мужичонкѣ и присудили ему:

и золотое стремя

и барскую тройку.

Эво! обогатѣлъ мужикъ — нашелъ свое счастье!

И позабылъ про всякое горе.

НИКОЛИНО ПИСЬМО

I

Былъ Аника купецъ богатый. Ѣхалъ онъ разъ путемъ-дорогой домой съ барышами.

Ѣдетъ онъ селомъ, а тамъ на банѣ надпись надписана:

*

рожаница лежала Авдотья Муравьева:
мальчика родила —
быть этому мальчику солдатомъ!

*

Проѣхалъ Аника, ничего не подумалъ.
Въѣзжаетъ въ другое село, опять надпись:

*

рожаница лежала Палагея Архипова:
мальчика родила —
этому мальчику быть хозяиномъ!

*

Ѣдетъ Аника дальше, думаетъ о долѣ:
рядитъ судьба человѣку долю,
судьбы конемъ не объѣдешь!

Въ третье сало въѣзжаетъ Аника.

И тутъ баня и тутъ надпись:

*

рожаница лежала Наталья Котова:
родила мальчика —
этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть!

*

Аникѣ это не показалось.

— Какъ такъ, Котову моимъ добромъ и казной владѣть! Не согласенъ.

Все село поднялъ Аника.

Указали ему Котову Наталью:

на краю села, мужъ-то пропалъ, одна съ ребятишками билась, — очень худо жила Наталья.

Аника ей денегъ даетъ:

отдай ему мальчика.

Поплакала Наталья и отдала:

все едино, Богъ приберетъ!

*

Съ Ванюшкой Котовымъ поѣхалъ Аника домой.

Ѣдетъ лѣсомъ. Стоитъ осиновая дупля. Пріостановился, да Ванюшку въ дупло и спустилъ.

— Ну, слава Богу, — перекрестился Аника, — избылъ бѣду!

И ходчѣе поѣхалъ.

А случилось о ту пору, сосѣдскій попъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Наѣхалъ на осину. Видитъ, изъ дупла парокъ идетъ. Колонулъ —

а тамъ Ванюшка плачетъ.

Ну, сейчасъ же вытащилъ его изъ дупла, завернулъ въ тулупъ и домой.

— Что, отецъ, пріѣхалъ порожнемъ? — встрѣчаетъ попадья.

— Молчи, мать! Я намъ сына нашелъ.

А они бездѣтные были, попъ съ попадьей.

И остался Ванюшка у попа жить.

Воспитали его, обучили.

Десять лѣтъ прошло — и выровнялся мальчишка на славу, дѣльный.

2

Позабылъ богачъ Аника о Ванюшкѣ, живетъ, богатѣетъ. Пуще прежняго валитъ ему счастье и удача.

Вотъ она, судьба-то!

Заѣхалъ Аника по дѣламъ въ то село, гдѣ попъ жилъ. Зналъ попа Аника сколько лѣтъ, остановился у него ночевать.

— Откуда это, отецъ, сына взялъ, ровно бы и не было у васъ?

— А вотъ Богъ сынка далъ: въ дуплѣ нашли!

И разсказалъ попъ, какъ поѣхалъ онъ въ лѣсъ по дрова, наткнулся на дупло.

Аника такъ и замеръ.

Вотъ она, судьба-то!

Да спохватился: проситъ у попа мальчишку.

Смутилъ попа. За полтысячи сторговались.

И по-утру увезъ Аника Ванюшку.

*

Куда его дѣвать?

Гдѣ схоронить, чтобы ужъ до-чиста — концы въ воду?

Ѣдетъ Аника большой деревней. Большой колодезь. Вылѣзъ. И Ванюшка за нимъ — воды напиться.

Ванюшка нагнулся —

а Аника сзади какъ пихнетъ.

И угодилъ Ванюшка въ колодезь.

— Ну, слава Богу, ушелъ отъ бѣды!

Перекрестился Аника да скорѣе домой.

И надо же такому быть — пожаръ. Запылала деревня. Набатъ. Всполошились крещеные: кто съ чѣмъ — и прямо къ колодцу.

И какъ опустили первую бадью, такъ и вытащили Ванюшку.

Глядь, а огня какъ и не было, чуть только курится.

— Это, — говорятъ старики, — для него и пожаръ появился. Станемъ-ка мы, крещеные, кормить его міромъ.

И остался Ванюшка жить въ деревнѣ.

Изъ дома въ домъ — въ каждой избѣ ему домъ. Поили, кормили.

Двадцать лѣтъ прожилъ Ванюшка — этакій молодецъ вышелъ.

3

Тридцать лѣтъ Ванюшкѣ.

Не признать его и родной матери, не узналъ бы и попъ съ попадьей, а Аника и подавно.

Позабылъ Аника, былъ или не былъ на свѣтѣ Ванюшка.

Была судьба Ванюшкѣ владѣть его добромъ и казной —

Аника судьбу обошелъ!

Старый сталъ Аника, а счастье съ годами не убывало, —

богатый купецъ Аника.

*

Ѣдетъ Аника съ товаромъ на ярмарку въ ту самую деревню. Остановился у старосты. Разговоръ о томъ, о семъ.

А Ванюшка о ту пору у старосты прислуживалъ.

— Экій молодецъ-то у тебя! — залюбовался Аника на Ванюшку.

А староста и говоритъ:

— Не простой онъ у насъ, колодезный: изъ колодца вынули!

И разсказалъ Аникѣ про пожаръ.

Вотъ она, судьба-то!

Ударило больно Анику, онъ къ старостѣ:

— Отдай да отдай молодца!

Ну, старостѣ чего, — бери.

Далъ Аника отступного тысячу, да съ Ванюшкой и покатилъ домой.

*

Пріѣхалъ Аника домой, привезъ Ванюшку.

Самъ со своей старухой раздумался:

чего бы такое сдѣлать, отдѣлаться отъ Ванюшки?

— Въ монастырь бы его опредѣлить! — совѣтуетъ старуха.

А и въ самомъ дѣлѣ, чего лучше.

И на слѣдующій день повезъ Аника Ванюшку въ монастырь.

Знакомые были монахи — уважали Анику. Такъ въ монастырѣ Ванюшку и оставилъ:

пускай за душу молитъ.

Полюбился Ванюшка въ монастырѣ — хорошій работникъ.

Два года прожилъ — на братію трудился.

4

Два года прошло, сбылъ Аника Ванюшку.

Кажется, теперь чего ему бояться?

А сердце неспокойно:

ѣсть ли, пьетъ, а Ванюшка изъ памяти не выходитъ.

Такъ и видится ему баня.

На банѣ надпись:

*

рожаница лежала Наталья Котова:
родила мальчика —
этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть!

*

И во снѣ Ванюшка снится.

Ой, какъ страшно:

стоитъ передъ нимъ, какъ живой, ничего не скажетъ, только смотритъ неотступно, какъ судьба безотступна — —

«Рядитъ судьба человѣку долю, судьбы конемъ не объѣдешь!».

*

— Вотъ что, старуха, поѣду-ка я въ монастырь провѣдать: не убегъ ли Ванюшка?

Собрался Аника и поѣхалъ.

Повезъ монахамъ угощенье.

— Ну, что, какъ Иванъ?

— Живъ, живетъ хорошо, въ монахи постригаемъ.

— Что вы говорите: въ монахи?

У Аники отъ радости духъ захватило.

Тутъ подскочили къ Аникѣ, высаживать его пустились изъ коляски.

— Ахъ, — говоритъ Аника, — бѣда какая: деньги-то я дома забылъ. Отпустите Ивана съ письмомъ, пусть онъ сходитъ домой, а я у васъ погощу.

Ну, монахи, что угодно, извѣстно:

для богатаго да щедраго на головѣ пойдешь!
притащили и бумаги и конвертовъ и промокашку.

И написалъ Аника старухѣ:

как̀ъ будетъ Иванъ домой, послала бъ его въ лѣсъ,
а слѣдъ за нимъ Шалапуту, чтобъ тамъ его и
кончилъ.

Запечаталъ письмо, подалъ Ивану.

— Снеси старухѣ, передай въ руки, никому не показывай!

*

Съ письмомъ Аникинымъ пошелъ изъ монастыря Иванъ.

Идетъ лѣсомъ. Задумался. Роботко что-то.

Глядь, старичокъ навстрѣчу.

Ласково посмотрѣлъ старикъ.

— А, здорово, Аникинъ пріемышъ!

— Какой я Аникинъ пріемышъ, я — монахъ.

— А покажи, что несешь?

— Письмо.

— Дай, покажи.

— Да какъ я покажу? Аника не велѣлъ.

— Да дай же, говорю тебѣ.

Да такъ строго и праведно смотритъ —

это Никола былъ угодникъ,
печальникъ о всѣхъ гонимыхъ.

Иванъ письмо ему и подалъ.

Разорвалъ старикъ письмо.

— Вотъ, не давалъ, а тутъ тебѣ смерть была!

Самъ отошелъ въ сторонку, сталъ у сосны.

Иванъ ужъ и смотрѣть боится.

— На тебѣ письмо, иди съ Богомъ.

И пошелъ Иванъ — понесъ старухѣ письмо не Аникино, а Николино.

*

Пришелъ Иванъ въ домъ Аникинъ, подалъ старухѣ письмо.

А въ письмѣ будто пишетъ Аника, —

чтобы, не дожидаясь свѣта, шла бы къ попу да просила бъ попа обвѣнчать дочку съ Иваномъ до свѣта.

Схватилась старуха, вывела дочку —

благословила Ивана съ Софьей.

А сама къ попу.

Попъ было уперся: такъ скоро! Ну, она ему волю Аникину сказала, попъ и размякнулъ, извѣстно:

для богатаго да щедраго все можно!

до свѣта Ивана съ Софьей и обвѣнчалъ.

И живутъ молодые день и другой и третій — полюбили другъ друга, дней не замѣчаютъ.

*

А Аникѣ не терпится:

хоть бы узнать поскорѣй, прикончилъ ли Шалапута Ивана?

Прожилъ Аника въ монастырѣ три дня, отблагодарилъ монаховъ — деньги-то при немъ были! — и домой поѣхалъ.

Веселъ Аника: теперь ужъ окончательно развязался —

лежитъ Иванъ гдѣ подъ кустомъ въ лѣсу,

мертваго ѣдятъ его звѣри.

Смѣшно Аникѣ, смѣется —

вотъ она, судьба-то!

— Я — Аника!

Доѣхалъ до воротъ, да къ дверямъ:

— Я — Аника!

Распахнулъ дверь —

а на порогѣ Иванъ съ Софьей подъ-руку,

а за ними старуха.

У Аники въ глазахъ помутилось:
как стоялъ, такъ и остался.
Вотъ она, судьба-то!
Едва отошелъ, присѣлъ на лавку.
— Что ты надѣлала, старуха?
— Твоя воля, Аника.
— Да я жъ его велѣлъ въ лѣсъ завести Шалапутѣ.
Старуха письмо:
«обвѣнчать дочку съ Иваномъ до свѣта!».
Его рука: самъ и писалъ, самъ и подписывалъ.
Ничего понять не можетъ Аника:
ужъ не снится ли ему?
или онъ ума рѣшился?
— Я — Аника!
Аника вскочилъ, да опять на лавку — и повалился.
А когда очнулся, призвалъ Ивана.
И разсказалъ ему Иванъ о старикѣ чудномъ.
— Никто, какъ Никола угодникъ.
Не можетъ Аника помириться:
нѣтъ, самъ онъ спроситъ Николу, такъ это или обманываютъ его?
И посылаетъ Ивана:
пусть идетъ, отыщетъ Николу и попроситъ для него письмо —
хочетъ Аника видѣть Угодника.

5

Помолился Иванъ Николѣ.

Раннимъ утромъ простился съ женою и отправился въ путь:

пусть Никола будетъ ему водитель!

Шелъ Иванъ путемъ-дорогой — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, доходитъ до рѣчки.

На рѣчкѣ перевозъ:

сидитъ въ лодкѣ дѣвица, почернѣла вся подъ вѣтромъ, сидитъ, держитъ весла.

— Перевези меня! — крикнулъ Иванъ.

— А куда пошелъ, Аникинъ пріемышъ?

— А иду я къ Николѣ. Не знаю, найду ли?

— Найдешь, найдешь, Ванюша! Перевезу тебя на тотъ берегъ, пойдешь берегомъ, выйдешь въ лѣсокъ и будетъ направо избушка, тутъ и увидишь.

Сѣлъ Иванъ въ лодку.

Перевезла его дѣвица.

— Послушай, Ванюша, какъ будешь ты у Николы, спроси, сдѣлай милость: долго ли мнѣ перевозить еще, ой устала! ни стать мнѣ и рукъ не разомкну.

Пообѣщалъ Иванъ —

онъ не забудетъ, спроситъ Угодника о срокѣ.

И пошелъ, какъ указала дѣвица.

И по тропочкѣ дошелъ до избушки.

А тамъ сидитъ старичокъ — тотъ самый, что въ лѣсу стрѣлся.

— Далеко ль ты, Аникинъ пріемышъ, пошелъ?

— Николу угодника ищу.

— Самый я и есть Никола. Что тебѣ, Ванюша, надо?

— Аника послалъ къ тебѣ: проситъ письмо отъ тебя, хочетъ спросить у тебя. Мнѣ не вѣритъ.

— Ну, что жъ, напишу. Да чтобы скорѣе самъ приходилъ.

И написалъ Угодникъ письмо Аникѣ.

Взялъ Иванъ письмо, сталъ прощаться.

— Да вотъ еще что: перевозила меня дѣвица, черная подъ вѣтромъ, заказала спросить у тебя, долго ли ей перевозить еще, устала она, ни стать ей и рукъ не разожметъ.

— А скажи ей, Ванюша: какъ придетъ Аника, она и станетъ со скамейки и руки отстанутъ отъ веселъ. Да скажи ей, будетъ перевозить Анику, чтобы сказала: «Аника, молъ, богатый, погреби самъ, я отдохну малость!».

Попрощался Иванъ съ Николой, тропочкой вышелъ къ берегу.

А тамъ дѣвица ждетъ.

Сѣлъ Иванъ въ лодку.

— Ну, что, Ванюша, когда мнѣ срокъ?

Онъ ей все — всѣ слова Николины.

Поблагодарила дѣвица — черна отъ вѣтра.

— Спасибо тебѣ, Ванюша, дай тебѣ Богъ счастья.

6

Вернулся Иванъ домой, подаетъ письмо Аникѣ.

Обрадѣлъ Аника:

сamъ Никола угодникъ письмо ему написалъ —
велитъ къ себѣ ѣхать!

— Я — Аника! — кричалъ Аника, — старуха, пеки пироги, суши сухарьки! Меня самъ Никола угодникъ приказываетъ.

Разсказалъ Иванъ Аникѣ путь-дорогу до Николы.

И пошелъ Аника, понесъ мѣшокъ съ пирогами да съ сухарьками. Дошелъ до рѣчки. На рѣчкѣ перевозъ. Онъ — въ лодку.

— Аника богатый, погреби самъ, я отдохну малость! — сказала дѣвица.

И тотчасъ поднялась со скамейки —
и руки отошли отъ веселъ.

Аника сѣлъ на ея мѣсто.

И какъ сѣлъ, точно влипъ —
и руки приросли къ весламъ.

Доѣхали до берега.

Встала дѣвица да на берегъ.

А Аника хочетъ подняться —
и не можетъ.

— Ты куда, дѣвка?

— Я тридцать лѣтъ перевозила, устала, теперь ты перевози свой вѣкъ, мнѣ будетъ.

И пошла, не оглянулась.

Аника порвался, порвался, —
нѣтъ, не можетъ стать
и рукъ не оторвешь отъ веселъ.

И остался свой вѣкъ тутъ жить.

А Иванъ съ Софьей зажили богато.

Все добро, вся казна Аникина перешла къ Ивану —
нареченная доля.

НИКОЛА - НОЧЛЕЖНИКЪ

I.

Нищаго накормитъ, напоитъ, а ночевать не просись, нипочемъ не пуститъ!

Такова была воля и норовъ — богатый мужикъ Егорычевъ.

Всѣхъ ко вдовѣ ночевать отправлялъ бѣднѣющей — къ Адріановнѣ.

*

А приходитъ къ вечеру гость незванный —

Никола угодникъ.

Стучитъ къ богачу. Пустили нищаго.

Поужиналъ старичокъ да на лежанку.

— Нѣтъ, братъ, погоди, — говоритъ хозяинъ, — у насъ этакъ не водится! Иди къ Адріановнѣ, тамъ тебѣ ночлегъ.

А старикъ забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говоритъ, — и тутъ хорошо.

И заснулъ.

И, какъ ни будили, ничего не подѣлаютъ. Ну, хоть силкомъ стаскивай. Такъ и отступились.

По утру поднялся старикъ и пошелъ.

И весь день проходилъ, а къ вечеру опять стучится.

Пустили.

Поужиналъ и опять къ лежанкѣ.

— Нѣтъ ужъ! — забранилась старуха, — моду нашелъ! Сказано: иди къ Адріановнѣ, тамъ ночлегъ.

А старикъ и ухомъ не ведетъ, забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говоритъ, — и тутъ хорошо.

Да только и слышали, — спитъ.

Обозлилась старуха: расквилилъ ее нищій.

— Ужъ погоди, явишься ужотка, полетишь за дверь!

Проспалъ старикъ ночь, вышелъ.

День по дворамъ околачивался, а ввечеру къ Егорычеву — гость незванный.

Отказать совѣстно. Уломалъ хозяинъ старуху. Пустили.

Только старуха не дура, стала у лежанки —
подступись-ка!

Поужиналъ старикъ, да къ лежанкѣ — на старуху и наперся.

— Иди къ Адріановнѣ, — заорала старуха, — говорю тебѣ: у нея ночлегъ.

А старикъ изловчился, да черезъ старуху и махнулъ на лежанку.

— Мнѣ и тутъ хорошо!

Заснулъ старикъ.

И ужъ глодала жъ старуха хозяина всю-то ночь.

— Нипочемъ не пущу. И не проси. Или сама сбѣгу. Попомнишь тогда. Нашелъ пріятеля.

Поутру поднялся старикъ.

— Ну, — говоритъ, — Зиновей Григорьевичъ, я у тебя загостился. Приходи же ты ко мнѣ въ гости.

А старуха усмѣхается.

— Мало, — говоритъ, — къ нищему ходятъ въ гости.

— Ну, что ты, Никифоровна, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Можетъ, я попотчую и хорошохонько.

Попрощался старикъ и пошелъ.

2.

День за днемъ успокоилъ старуху.

И позабыли бъ о нищемъ-старикѣ:

мало ли ихъ всякихъ у Егорычева кормится.
И вдругъ прибѣгаетъ конь подъ окно —
на сѣдлѣ письмо.
Распечаталъ хозяинъ, диву дался.
— Отъ кого это тебѣ?
— А помнишь, старуха, ночлежникъ-то нищій-старичокъ: въ гости зоветъ!
— Что жъ, поѣзжай, погости! — усмѣхнулась старуха, — долго-то больно не загостись! — усмѣхается.
Конь ждетъ подъ окномъ.
Хозяинъ сѣлъ на коня и поѣхалъ.

*

И привезъ его конь къ дому — большой домъ, богатый.
Встрѣчаетъ нищій-старичокъ.
— А, — говоритъ, — Григорьевичъ, пожаловалъ!
И сталъ его угощать:
отъ роду такого кушанья не ѣдалъ Егорычевъ.
А послѣ угощенья на отдыхъ:
завелъ старикъ въ комнату, да на ключъ, —
одного и оставилъ.
А въ комнатѣ ни стула, ни постели, пусто.
И такой холодина, всю ночь продрожалъ несчастный.
— Околѣю я тутъ безъ покаянія!
Показалась ему ночь за годъ.

*

На утро выпустилъ его старикъ.
И опять въ тепло, и опять за угощенье —
пей, ѣшь, чего душенька взниметъ, всего довольно! и ничего-то не убываетъ.
Настала ночь, пора спать.
И завелъ его старикъ въ комнату, еще хуже той.

Темь и холодно, душитъ — мѣста не найти.

— Пропаду я совсѣмъ.

Едва утра дождался.

Показалась ему ночь за десять лѣтъ.

*

Стало свѣтать, явился старикъ:

слава Богу, освободилъ!

И опять попалъ несчастный въ тепло. И прямо за столъ.

И опять потчивалъ старикъ лучше еще.

А къ ночи спать.

Всталъ изъ-за стола, идетъ за старикомъ.

«Господи, — думаетъ несчастный, — неужто и опять на муку ведутъ?»

А старикъ въ другое мѣсто ведетъ.

И оставилъ его одного въ комнатѣ.

И до чего хорошо въ этой комнатѣ:

тепло, манный духъ, и постелька-то мягкая,

все бы лежалъ.

И утро настало, пришелъ старикъ, а и уходить не охота.

— Каково спать-то было?

— Больно хорошо, дѣдушка.

— А по тѣ-то ночи какъ?

— А больно худо.

— Первая ночка — тебѣ мѣсто. А другая-то ночка — твоей старухѣ. А эту ночку спалъ — Адріановнѣ. Отправляйся теперь съ Богомъ домой!

Попрощался Егорычевъ со старикомъ, вышелъ изъ дому.

Конь у окна. Сѣлъ на коня и домой.

И до самыхъ воротъ донесъ его конь. А какъ слѣзъ, и конь пропалъ.

3.

Вошелъ Егорычевъ въ домъ, —

а его и живымъ не окладывали!

Обрадовалась старуха:

не три дня, три года пропадалъ безъ вѣсти.

— Поди-ка, старуха, наливай самоварчикъ, да зови Адріановну въ гости.

Поставила старуха самоваръ, побѣжала къ сосѣдкѣ.

Удивилась Адріановна:

никогда еще не бывало такого!

Принарядилась, пошла къ сосѣдямъ.

Сѣли чай пить.

— Что это случилось, потчуете меня?

— А вотъ что, Адріановна, давай домами мѣняться.

— Куда мнѣ: мой-то домишко худой.

— Да ужъ говорю, давай мѣняться: я — въ твой домъ, а ты здѣсь живи.

И уговорилъ Адріановну.

Осталась она у Егорычевыхъ въ домѣ богато жить.

А Зиновей Григорьевичъ со старухой въ ея келейкѣ поселился.

Ворчитъ старуха:

— Чего ты надѣлалъ, ума ты рехнулся!

— Не понимаешь ты ничего, старуха. Мѣсто у нея хорошее, а у насъ худое. Намъ не измотать нашего добра своими руками, а она расточитъ. Она опять заслужитъ себѣ мѣсто.

И все про старичка, про тѣ три ночи — про какія ночи! — разсказалъ старухѣ.

И остались покорно жить въ нищетѣ и бѣдности.

НИКОЛА ВѢРНЫЙ

I.

Жили были два брата:

один братъ богатый,

другой — голый.

У бѣднаго нечего ѣсть, а ребятъ много. Приходитъ бѣдный къ богатому.

— Дай мнѣ на пудикъ: дѣти голодомъ сидятъ.

Тотъ ему не далъ.

Дома хозяйка ждетъ, ребятишки.

— Ну, что?

— Нѣтъ, не далъ. Ложитесь, дѣтушки, голодомъ.

Плохо бѣдному, и не съ голода, съ тоски нездоровъ сдѣлался, полежалъ немного времени и померъ.

Приходитъ жена его къ богатому.

— Померъ братецъ твой. Дай мнѣ на похороны рублика полтора! — со слезами проситъ.

А хозяйка богатаго брата услышала.

— Дай, дай, — говоритъ, — ты бѣденъ не будешь, похорони брата.

Тотъ не даетъ.

И опять проситъ со слезами.

— Дай, пожалуйста, вотъ Никола Угодникъ свидѣтель! — на икону показываетъ.

Тотъ далъ на похороны.

*

Везти покойника на кладбище было мимо города.

Ѣдетъ богатый братъ, лошаденку подхлестываетъ —

разъ хлестнетъ, да Николѣ Угоднику пеняетъ:

— Ты вотъ ручаешься за этихъ людей, а чего я съ нихъ возьму?

Сидѣлъ въ лавкѣ молодой купеческій сынъ, слышитъ и жалко ему, выскочилъ изъ лавки.

— Постой, — говоритъ, — дай проститься съ покойникомъ.

Простился и сталъ распрашивать у богатаго,

чего онъ такой,

что думаетъ?

— Да вотъ я далъ на похороны, и деньги мои, видно, пропащія, а поручился Никола Угодникъ за нихъ.

Купеческій сынъ вынулъ деньги, расчиталъ его.

— Не считай за братомъ долгу!

И проситъ отдать ему икону Николы Угодника.

А тому, почему не отдать!

Взялъ купеческій сынъ икону и поставилъ къ себѣ въ лавку — Николу Угодника.

А какъ сталъ вечеръ, заперъ лавку и домой.

*

Дома встрѣчаетъ мать.

— Что, каково сегодня поторговалъ, дитятко?

— А хорошо, маменька, я поторговалъ. Я икону купилъ, маменька.

— А какую ты, дитятко, икону купилъ?

— Купилъ я Николу Угодника.

— А гдѣ ты купилъ?

— А везли покойника, выбѣжалъ я проститься и купилъ.

— Дорого ль?

— За похороны отдалъ.

— Ну, дитятко, это добро дѣло. Слава Тебѣ, Господи, хорошо поторговалъ.

Легли спать.

И видится матери сонъ.

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

«возьмите вы, — говоритъ, — приказчика, у тебя сынъ не въ полныхъ лѣтахъ, онъ его наставитъ въ торговлѣ. Вы выйдете на улицу: кто попадетъ первый человѣкъ навстрѣчу, тотъ и будетъ приказчикомъ. Вы будете счастливы!»

Утромъ мать разсказала сыну.

Помолился онъ Богу и вышелъ на улицу. И никто не попался ему навстрѣчу.

Ужъ отъ дома отошелъ порядочно, и вдругъ идетъ — —

— Здорово, дѣдушка!

— Здорово, милый вьюнышъ.

— Дѣдушка, не можешь ли мнѣ послужить!

— Гдѣ, сынокъ?

— Да вотъ по торговой части. Я еще глупый, ты меня наставь.

Старичокъ послушалъ, вернулись они въ домъ, заходятъ въ избу.

Увидала мать.

— Слава Богу, нашелъ себѣ товарища! Дѣдушка, я тебѣ помолюсь, какъ Богу, наставь моего сына уму-разуму.

— Я взяться возьмусь, только меня слушай: что я велю, то и дѣлай.

Мать на все согласна.

И остался старичокъ съ ними жить въ домѣ.

2.

Поутру чуть свѣтъ будитъ старикъ Ивана.

— Вставай, сынокъ, пора итти въ лавку торговать. Торговые люди долго не спятъ. Ишь разоспался!

Поднялся Иванъ и пошли.

Осмотрѣлъ старикъ лавку.

— У васъ благодать какая, можно торговать. Подпишите подъ меня все теперь — я полный хозяинъ.

Иванъ подписалъ.

И день торговали хорошо.

Вернулись вечеромъ домой. Собрала мать ужинъ. Сидятъ втроемъ, ужинаютъ.

Приходитъ большой ея братъ.

— Зачѣмъ пришелъ, братецъ?

— Да вотъ въ Заморье король требуетъ.

— Зачѣмъ же онъ васъ требуетъ?

— А потому, что онъ намъ долженъ. Мы вмѣстѣ жили, сколько кораблей товару продавали ему.

— А когда думаешь отправляться? — спросилъ старикъ.

— А у меня все готово и корабль готовый, только отправляться!

Простился съ сестрой, простился съ племянникомъ и со старикомъ, приказчикомъ ихъ.

Остались одни, Иванъ и говоритъ:

— А мы когда, дѣдушка?

— Поспѣемъ.

И легли спать.

*

Поутру чуть свѣтъ будитъ старикъ Ивана:

— Вставай, сынокъ, намъ надо итти на корабельную пристань, корабль выбирать.

Поднялся Иванъ, пошли они на корабельную пристань.

Долго ходили и выбирали корабль:

сколько лѣтъ стоялъ этотъ корабль, не ломился.

— Намъ такой въ самый разъ: мнѣ, старику, и сынку молодому.

И сейчасъ на корабль заходятъ.

— Дѣдушка, какъ мы поѣдемъ, нельзя пробраться!

— Проберемся.

Заволновалась кора́бельная пристань — и сдѣлался имъ ходъ.

Удивились корабельщики.

— Чтой-то у насъ, живучи, никогда не бывало!

Привалили они къ бережку, оприколили корабль.

— Молись, сынокъ, Богу, счастливы будемъ.

— Нашъ дядюшка теперь далеко идетъ!

— Молись Богу и мы выйдемъ.

Къ ночи вернулись они домой.

Встрѣчаетъ ихъ мать.

— Что, купили корабликъ?

— Купили.

— Слава Богу, — взмолилась она къ Богу, — нашли!

— Когда же, дѣдушка, будемъ отправляться?

— А будемъ отправляться завтра.

Дождались они дня — и на пристань, сѣли на корабль, простились съ матерью.

— Господа корабельщики, дайте ходъ!

— Ступай съ Богомъ, дѣдушка, дорога готова.

И выѣхали они на море и пошли моремъ.

3.

Шелъ корабль честно.

Ѣдутъ они сутки и другія и третьи.

— Погляди, сынокъ, въ подзорную трубку, что не видать ли?

Посмотрѣлъ Иванъ и увидѣлъ:

чернѣетъ.

Проѣхали еще. И опять посмотрѣлъ.

— Дѣдушка, дядюшка нашъ идетъ!

— Ну, теперь поѣдемъ вмѣстѣ.

А и наораблѣ у дяди увидѣли корабль.

— Ѣдетъ племянникъ и флагъ ихъ развивается! — узналъ дядя.

И догнали и поѣхали вмѣстѣ.

Вотъ имъ изладилось ѣхать мимо города недалеко.

— Дѣдушка, намъ надо заѣхать въ городъ, купить королю подарки, — говоритъ дядя.

— Ладно.

— Мы безъ этого никогда не являемся, всегда подарки покупаемъ.

Остановились у города.

Накупилъ дядя подарковъ, упаси Боже сколько.

— Дѣдушка, а мы что повеземъ?

— Чего повеземъ? Что повеземъ, то и ладно.

— А какъ же мы поѣдемъ, купить надо что.

— Ну, да ладно, и такъ доѣдемъ.

И велѣлъ дядѣ впереди плыть.

Отъѣхалъ дядя — они за нимъ слѣдомъ.

Подъѣхали къ горѣ, взялъ старичокъ желѣзную тростку.

— На, сынокъ, рой въ горѣ.

Иванъ ткнулъ —

и повалились каменья въ корабль.

— Теперь, сынокъ, будетъ съ насъ.

И опять поѣхали. И скоро достигли королевскаго города.

Поглядѣлъ Иванъ въ подзорную трубку.

— Вотъ и дядюшкинъ корабль, а намъ нѣту мѣста, негдѣ стать.

— Ну, да станемъ.

И раздвинулась корабельная пристань.

— Потихоньку, потихоньку! — закричали корабельщики.

*

Такъ и вошли и стали рядомъ съ кораблемъ дяди.

Пора было заявить, что такіе-то купцы явились; пора было итти къ королю съ подарками.

Дядя забралъ свои подарки и пошелъ.

— Дѣдушка, а мы-то съ чѣмъ пойдемъ?

— А поди, сынокъ, купи двѣ чашки хлѣбныя, что хлѣбы валяютъ.

Иванъ пошелъ на базаръ купилъ двѣ чашки.

— Ладны ли, дѣдушка?

— Ладны, ладны! умѣлъ выбрать.

И набралъ камушковъ чашку, другой закрылъ.

— На, сынокъ, понеси королю подарки.

— Что ты, дѣдушка, какіе это королю подарки?

И стыдно ему съ этими чашками и каменьемъ, да и ослушаться не смѣетъ, — и пошелъ.

Приходитъ къ королевскому дворцу.

— Чего ты несешь?

— Подарки королю.

— А что ты, какіе это подарки королю! Онъ тебя выгонитъ.

— Не ваше дѣло.

И пропустили его. Доложили королю.

Король выходитъ, на него смотритъ.

— Извольте отъ меня принять подарки!

И подаетъ королю чашку.

И какъ раскрылъ король чашку, такъ въ горницѣ и осіяло.

Очень обрадовался король и королева обрадѣла.

И въ назначенное число расчиталъ король Ивана и его дядю и отпустилъ на корабль съ миромъ.

4.

А была у короля дочь —

сколько годовъ въ разслабленіи лежала!

И была перенесена она въ церковь, какъ неживая.

И объявляетъ король :

— Кто будетъ ночью мою дочь караулить, я того чело-

вѣка награжу. А выздоровѣетъ, отдамъ въ замужество за того человѣка.

Услышалъ Иванъ и говоритъ:

— Дѣдушка, я пойду караулить.

— Ой, ты, ну куда лѣзешь!

— Нѣтъ, дѣдушка, пойду.

— Ну, ладно, Богъ помилуетъ! На̀ уголекъ, очертись, очерти и ее, да и купи куль груши и возьми съ собою въ церковь!

И еще далъ старикъ книгу:

читать Святырь до послѣдняго псалма,
и, что бы ни было, не давать отвѣту.

Купилъ Иванъ куль груши и къ ночи отправился въ церковь.

Разсыпалъ по церкви грушу, очертился, очертилъ королевну и сталъ читать Святырь.

*

Въ самую полночь вдругъ выходитъ —
«Отъ нашего короля обѣдъ сегодня намъ!»
И слышитъ Иванъ:
начали собирать грушу, хряпаютъ —
и скоро всю подобрали.
И увидѣлъ Иванъ:
огоньки, ровно свѣчи, по всей церкви.
И сдѣлался шумъ, верескъ —
Кричатъ:
«Ой, ѣсть нечего, давайте съѣдимъ ихъ!»
И увидѣлъ Иванъ не огоньки —
а самъ все читаетъ.
Буквы, какъ огоньки мелькали —
а онъ все читаетъ.
И дошелъ до послѣдняго слова.
— Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ Боже!

И закрылъ книгу.
Тутъ пѣтушки спѣли —
и ихъ не стало.

*

— Ну, теперь, королевна, вставай!
Поднялъ ее за руки, поставилъ.
И стали оба Богу молиться.

Ключи забрякали — двери отпираютъ:
сторожа пришли.
Сторожа пришли и видятъ:
живы! стоятъ, оба Богу молятся.
— Идите, скажите королю: дочь здорова, на ногахъ стоитъ!

*

Бѣгутъ сторожа къ королю:
— Дочь здорова! на ногахъ стоитъ!
Обрадовался король и королева обрадѣла.
Велѣлъ король запрягать коней самыхъ лучшихъ:
везти дочь во дворецъ да Ивана.
И привезли ихъ.
Вошли они въ горницу, Богу помолились.

— Ну, теперь, — говоритъ король, — ты ее освободилъ, я позволю на ней жениться. И ты ужъ не Иванъ, купеческій сынъ, а королевичъ!

И повѣнчался Иванъ-королевичъ на королевнѣ.

И стали пиръ пировать. Тутъ только и вспомнилъ:

— Ой, у меня на кораблѣ есть дѣдушка — довѣренный приказчикъ и дядя!

Ну, сейчасъ же поѣхали за ними, подхватили подъ-ручки, въ карету посадили и привезли во дворецъ —
за гостей почитать будутъ.

— Эхъ, Иванъ-королевичъ, позабылъ ты дѣдушку! Повѣнчался на королевнѣ! — пенялъ старикъ Ивану.

Да дѣлать нечего, не воротишь.

*

Трое сутокъ пировали.

— Иванъ-королевичъ, хорошо гоститъ, да время отправляться.

— Когда будемъ, дѣдушка, отправляться?

— Да на завтрашній день.

И на завтра велѣлъ король сказать на корабельной пристани, чтобы простору имъ было.

Удивляются корабельщики.

— Былъ Иванъ-купеческій сынъ, а сталъ Иванъ-королевичъ!

Вышли они на бѣлы дворы, сѣли въ кареты.

Музыка впереди и войско. Пріѣхали на пристань, вошли на корабль. Простились съ тестемъ.

Дядю впередъ отправили.

Сѣлъ старикъ на руль, Иванъ-королевичъ сталъ на носъ — и поѣхали.

5.

Шелъ корабль честно.

На кораблѣ войско и музыка.

— Иванъ-королевичъ, посмотри въ подзорную трубку.

Посмотрѣлъ Иванъ-королевичъ.

— Дѣдушка, недалеко что-то чернѣетъ. Дѣдушка, островъ!

— Ну, слава Богу, можно погулять и войско покормить.

Пристали они къ острову.

Приказалъ старикъ наносить дровъ и приказалъ дрова сжечь.

Разгорѣлись дрова на мелкій уголекъ —
жаръ сильный сталъ.

Взялъ старикъ королевну да въ огонь —
и сжегъ.
И не стало королевны.
Одинъ остался Иванъ-королевичъ.
— Что же ты, Иванъ-королевичъ, запечалился?
— Да какъ же, дѣдушка!
— Не печалься, подождемъ немного!
Самъ дунулъ въ пепелъ —
и на двѣ грудки онъ сдѣлался.
— Можешь ли ты отгадать: какой пепелъ отъ дровъ, какой отъ человѣка?
Иванъ-королевичъ посмотрѣлъ — и узналъ.
— Вотъ этотъ.
— Ну, молодецъ!
Взялъ старикъ пепелъ въ руку, кинулъ его въ воду —
пепелъ расплылся по водѣ.
И здрава выскочила королевна изъ воды.
— Что, королевна, чувствуешь ли теперь что?
— Да ничего, дѣдушка, я жива и здорова.
— Вотъ, Иванъ-королевичъ, теперь она жива и здорова. Молитесь Богу, ты — королевичъ, ты — королевна.
И благословилъ ихъ старикъ.
Сѣли на корабль и дальше въ путь.

*

Корабль бѣжитъ и сердце радуется.
— Иванъ-королевичъ, посмотри въ подзорную трубку, не увидишь ли что?
Посмотрѣлъ Иванъ-королевичъ.
— Мнѣ, дѣдушка, показывается что-то — чернѣетъ что-то.
Вотъ ближе и ближе.
— Ой, дѣдушка, нашъ городъ!
— Ну, слава Богу, домой попали.

*

Вышелъ воинскій начальникъ встрѣчать ихъ съ войскомъ, съ музыкой.

Сошли съ корабля.

Королевичъ и королевна, старичокъ, а за ними войско.

— Иванъ-королевичъ, спросите, что мать жива ли? Домъ цѣлъ ли?

И сейчасъ распознали:

старуха жива,

а тамъ все крапива и дома нѣтъ!

И выстроили новый домъ-дворецъ — жить да поживать.

Простился старичокъ, благословилъ и пошелъ —

Никола Угодникъ вѣрный.

А они и теперь живутъ.

НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ

1

Шелъ Христосъ съ Николою.

Много прошли они селъ, городовъ — много видѣли бѣды на землѣ.

А тамъ, по раздолью — полямъ весеннимъ такіе цвѣты цвѣли —

красовали Божій міръ.

*

Шелъ Христосъ съ Николою по нашей землѣ.

Изъ дома въ домъ заходили странники.

И не мало труда поднялъ Никола — всякому поможетъ, никому не отказывалъ! — и оборвался весь, нищъ.

Нищими странниками постучались они въ избу на ночлегъ.

Тѣсно въ убогой избѣ.

Жила въ ней солдатка съ ребятишками, и хлѣба у нихъ не было, была краюшка одна да съ горстку муки, а въ хозяйствѣ корова-бѣлуха, да и та безъ молока.

— У меня и покормить-то васъ нечѣмъ, и молока нѣтъ, все жду, вотъ отелится бѣлуха.

— Не кручинься, — сказалъ Христосъ, — всѣ будемъ сыты.

Сѣли за столъ.

Подала хозяйка послѣднюю краюшку —
и одна краюшка всѣхъ насытила.

— Вотъ, говорила, нечѣмъ будетъ накормить, гляди-ка, всѣ сыты, да еще и осталось!

Радовался Никола больше матери и ребятишекъ сытыхъ.

Уложила мать ребятишекъ.

Улеглись и странники.

А сама пошла въ закромъ:
не соберетъ ли муки на блины — угостить поутру странниковъ?

И откуда что взялось:
было съ горстку въ ларѣ,
а тутъ этакую махотку принесла!

Сдѣлала она растворъ. И на утро испекла блиновъ.

— Вотъ видишь, и мука есть! — радовался Никола.

А ужъ какъ ребятишки-то блинамъ рады.

Попрощались странники и пошли себѣ дальше въ путь.

*

Шелъ Христосъ съ Николою.

Шли они зеленями — молодымъ полемъ зеленымъ —
какъ хорошо на землѣ въ Божьемъ мірѣ!

Гадалъ Никола объ урожаѣ.

Уморились странники и задумали передохнуть малость.

А стояло у дороги большое хозяйство, тамъ же и мельница.

Они на мельницу.

Увидалъ хозяинъ, видитъ, побиральщики, да и ну гнать со двора.

— Лодыри, бродяги! стащутъ еще чего! — ворчалъ въ догонку, грозилъ собаками.

Такъ и пошли.

Такъ и пошли, куда повела дорога.

2

Шелъ Христосъ съ Николою по нашей землѣ.

Къ вечеру привела ихъ дорога въ лѣсъ.

На лѣсной полянкѣ прилегли странники —

и ночь со звѣздами, такими колыбельными, покрыла ихъ.

По звѣздамъ — отъ звѣзды къ звѣздѣ — гадалъ Никола о землѣ нашей, думалъ думу невеселую.

И вотъ среди ночи прибѣжалъ на полянку сѣрый волкъ, поклонился Христу и проситъ ѣсть:

третій день ходитъ голодомъ.

— Господи, я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!

— Поди, волкъ, къ солдаткѣ, — сказалъ Христосъ, — изба ея съ краю при дорогѣ. Есть у нея корова-бѣлуха, ту корову ты и съѣшь.

— Господи милостивый, — вступился Никола, — за что же такъ? Вѣдь, послѣднее отнимаешь, а ребятишки-то какъ тамъ заплачутъ! Господи, Ты вели лучше у мельника попользоваться: и прогналъ онъ насъ, и добра у него дѣвать некуда.

— Нѣтъ, нельзя такъ, — сказалъ Христосъ, — нѣтъ ей талана на семъ свѣтѣ: пусть бѣдуетъ до-времени.

А волкъ, какъ услышалъ повелѣніе, да со всѣхъ волчьихъ ногъ — за ѣдой.

И Никола поднялся.

Пошелъ пособрать хворосту, костеръ разложить:

что-то зябко ему.

Зашелъ старикъ за деревья, да по слѣдамъ волчинымъ бѣгомъ за волкомъ. Обогналъ волка — волкъ-то гдѣ еще: съ голодухи не очень-то прытко побѣгаешь! И поспѣлъ.

Взялъ Никола бѣлуху солдаткину, вымазалъ всю грязью и опять поставилъ.

А самъ назадъ.

Тамъ набралъ хворосту. Да только не надо разводить огня —

и такъ тепло.

— Экая ночка-то теплая!
И задремалъ старикъ.
И вотъ будитъ Христосъ:
— Вставай, Никола, въ дорогу пора.
Не заставилъ ждать — легко поднялся Никола.
И на сердцѣ ему, какъ заря горитъ:
слава Богу, ни съ чѣмъ уйдетъ волкъ,
и мать не заплачетъ!
А волкъ-то и бѣжитъ, сѣрый, кланяется.
— Господи, нѣтъ у солдатки бѣлухи, а есть черная.
— Такъ бери черную, — сказалъ Христосъ.

*

Шелъ Христосъ съ Николою.
Шли они по зарѣ утренней —
пробуждались цвѣты полевые и цвѣтики малые,
красовали Божій міръ.

А тамъ, на селѣ, сѣрый волкъ добрался до черной бѣлухи, зарѣзалъ и ѣлъ свою долю. И когда хватилась солдатка, отъ ея бѣлухи только рожки да ножки остались.

— Богъ далъ, Богъ и взялъ, Его воля! — приняла несчастная свою горькую долю.

Шли странники въ гору.
Шли молча.
Трудно было Николѣ послѣ краткой ночи —
вела дорога все въ гору.

И когда поднялось солнце и краснымъ огнемъ ударило въ полміра, увидѣлъ Никола:
катится имъ навстрѣчу бочка,
а въ бочкѣ — золото.
— Господи, куда это такое богатство?
— Мельнику, — сказалъ Христосъ, — ему это золото.

— Господи, удѣли хоть горстку той несчастной: безъ бѣлухи осталась, ребятъ больно жалко.

— Нѣтъ, нельзя, — сказалъ Христосъ, — мельнику таланъ даденъ на семъ свѣтѣ и пусть ему будетъ довольно до время. Такъ и быть должно.

Прокатилась бочка —

как жаръ горитъ на дорогѣ.

Посторонились странники и дальше пошли.

А бочка катилась все подъ гору и такъ до самой мельницы.

Сгребъ мельникъ золото — золото къ золоту и не замѣтишь! — нѣтъ, ему мало бочки.

«Кабы десять бочекъ!» — думалъ мельникъ.

И старая забота давила плечи.

3

Шелъ Христосъ съ Николою горой.

Все въ гору и чѣмъ дальше, тѣмъ круче гора —

и хоть бы передохнуть часокъ!

А идутъ и идутъ.

На зарѣ вечерней поднялись они высоко — къ самой вершинѣ.

— Господи, я пить хочу! — взмолился Никола.

— Ступай по той тропинкѣ: тамъ колодецъ, напейся! — сказалъ Христосъ.

И пошелъ Никола, какъ указалъ Христосъ —

едва ужъ ноги идутъ.

И отыскалъ Никола колодецъ. Заглянулъ, чтобы воды достать —

а тамъ змѣи кишатъ.

И отшатнулся.

И увидѣлъ:

тотъ самый мельникъ —

мельникъ стоялъ у колодца,
весь изорвался о камни и руки въ крови.
— Жажду! — просилъ несчастный.
И ничѣмъ ему не могъ помочь Никола.

Вернулся ко Христу Никола.
— Нѣтъ, Господи, тамъ нечистый колодецъ.
Христосъ ничего не отвѣтилъ.
И опять пошли.
Еще выше, еще круче — на еще большую гору.

*

Шли они по горѣ высоко надъ землею.
Поднялись они до звѣздъ высоко —
и звѣзды такія близкія и такія грозныя
разрѣзали путь.
— Господи, Господи, я пить хочу! — взмолился Никола.
— Ступай по этой тропинкѣ: тамъ тебѣ будетъ колодецъ,
— сказалъ Христосъ.

И пошелъ Никола, какъ указалъ Христосъ —
падаетъ ужъ, изъ послѣднихъ.
И добрался, отыскалъ колодецъ, зачерпнулъ —
а вода такая свѣжая да чистая.
И не узналъ Никола мѣста:
гдѣ камни?
и нѣтъ пропастей!
И до того хорошо кругомъ и свѣтъ такой свѣтлый —
такой садъ, какъ рай.
Сталъ и стоялъ, любуясь.
И увидѣлъ:
мать стоитъ у колодца, та солдатка,
и такая, какъ самъ онъ, любуясь.

И до того хорошо кругомъ и такой свѣтъ свѣтлый —
такой садъ, какъ рай.

И вдругъ услышалъ голосъ.

— Никола, — звалъ Христосъ, — что же ты такъ долго стоишь?

— Господи, какъ долго? Три минуточки!

— Не три минуты, три года, — сказалъ Христосъ.

И они пошли съ горы опять на нашу землю.

НИКОЛА — СУДІЯ

1

Жилъ-былъ Савелій-богатый —
богатый человѣкъ.
Жилъ онъ съ женой ладно. И состарились оба.
И до того они были добры и жалостливы къ людямъ —
всѣхъ бѣдныхъ, нищихъ кормили и поили и въ долгъ давали и назадъ долгу не требовали.
А казна ихъ не убывала.
И жили они спокойно.
Савелій и говоритъ старухѣ:

— Ну, старуха, пригрѣшили мы у Господа Бога. Кто бьется да старается, у того нѣтъ ничего, а мы сиднемъ сидимъ и намъ все, ровно съ неба валится.

И проситъ старикъ старуху напечь пирожковъ да насушить сухариковъ:

пойдетъ онъ Николу Угодника разыскивать —
пускай Никола разсудитъ, спроситъ у Спаса:
что имъ за этотъ грѣхъ выйдетъ?

Напекла старуха пирожковъ, насушила сухариковъ — истолкла сухарики въ мучку, насыпала мѣшокъ.

Простился Савелій со старухой и пошелъ искать Николу.

2

Мало ли, много ли шелъ Савелій.

Идетъ онъ, раздумываетъ о своей богатой долѣ и попадаетъ ему навстрѣчу разбойникъ.

— Что, старикъ, гдѣ это Савелій-богатый живетъ?

— А тебѣ что въ немъ? — спросилъ Савелій.

— А иду я, обокрасть хочу богача.

— Я самый и есть! — обрадовался Савелій, вынулъ ключи, — вотъ тебѣ ключи, ступай, сколько хочешь бери, только старуху не тронь.

Взялъ разбойникъ ключи.

— Ты-то самъ куда пошелъ?

— Николу ищу. Пусть разсудитъ — спроситъ у Спаса: что намъ за грѣхъ нашъ выйдетъ? Кто мучается, бьется — и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

Усмѣхнулся разбойникъ:

«Рехнулся, молъ, старикъ съ сытости!».

И разошлись.

Отошелъ немного разбойникъ, раздумался.

«Господи, вѣдь, и мнѣ тоже не только на семъ свѣтѣ жить, а и на томъ свѣтѣ!».

И все припомнилъ:

сколько онъ душъ погубилъ, и какъ ему все было мало!

Догналъ разбойникъ Савелія.

— Возьмите ключи-то назадъ!

— Что же не пошелъ? — опечалился Савелій.

— Возьмите меня съ собой! — сказалъ разбойникъ.

И пошли они вдвоемъ искать Николу:

Савелій-богатый да разбойникъ.

Дошли до деревни. Ночь настигаетъ. Надо ночевать. Постучались въ избу.

Въ избѣ одна хозяйка.

— Пусти насъ, хозяюшка, ночевать!

— Милости просимъ, ночуйте, только кормить нечѣмъ.

— Намъ ничего не надо. У насъ свое есть. Дай только чашку да ложку, да влей водички.

Хозяйка подала чашку и ложку, влила въ чашку воды.

Взялъ Савелій мѣшокъ, насыпалъ сухариковъ въ чашку, помѣшалъ-помѣшалъ —

чашка полная стала, разбухли сухари.

Поѣлъ Савелій, передалъ разбойнику.

Наѣлся разбойникъ.

А чашка не убываетъ!

Идетъ хозяинъ —

Какъ ступилъ на порогъ, затопалъ ногами и сталъ жену крошить.

— Это у тебя что за гости? Самимъ ѣсть нечего, а эти разсѣлись, кормишь!

— Не ругайся, хозяинъ, это у насъ все свое!

И предложилъ Савелій хозяину отвѣдать кушанье.

Присѣлъ хозяинъ къ столу, поѣлъ.

И хозяйка наѣлась.

— Мы такого и въ вѣкъ не ѣдали, — благодарятъ.

Ну, и разговорились:

откуда и куда странники идутъ?

Савелій и говоритъ:

— Вышелъ я Николу искать. Пусть разсудитъ — спроситъ у Спаса: что намъ за грѣхъ нашъ будетъ? Кто мучается, бьется — и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

А разбойникъ говоритъ:

— А я вотъ на свѣтѣ сколько душъ погубилъ, иду спросить: что мнѣ за это будетъ? Не на семъ только свѣтѣ жить мнѣ, а и на томъ свѣтѣ.

Переночевали ночь.

На утро поднялись въ дорогу.

— Возьмите и меня съ собой, — проситъ хозяинъ, — и мнѣ не на семъ только свѣтѣ жить, а и на томъ свѣтѣ. Я во

всю мою жизнь никого не напоилъ, не накормилъ: все боялся, что самимъ не хватитъ.

И пошли втроемъ:

Савелій-богатый да разбойникъ
да хозяинъ.

3

Идутъ и идутъ —
отъ часу дорога лучше и шире и глаже, что карта.
Стоитъ домъ.
Подошли къ дому —
нигдѣ ему конца нѣтъ, такой большой.

Поднялись по лѣсенкѣ и попали въ коридоръ.
И стоитъ тамъ старичокъ сѣденькій, древній старичокъ.
— Не ты ли, батюшка, Никола Милостивый?
— Я, — говоритъ, — я. Что вамъ нужно?

— Спроси у Спаса: что намъ за грѣхъ нашъ выйдетъ? Кто мучается, бьется — и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

— А я — разбойникъ. На этомъ свѣтѣ сколько душъ загубилъ. Спроси у Спаса: что мнѣ за это будетъ?

— А я вотъ живу на свѣтѣ и никого не напоилъ, не накормилъ. Спроси у Спаса: что мнѣ за это будетъ?

Никола Угодникъ и говоритъ:
— Ночуйте, странники, тутъ вамъ будетъ покой.

И отворилъ дверь по правую руку —
и впустилъ туда Савелія.
И отворилъ другую дверь —
и впустилъ туда разбойника.
И отворилъ третью дверь —
и впустилъ туда хозяина.

*

Вошелъ Савелій въ комнату.

И до того эта комната убрана: большая, чистая, кровать высокая, подушки пуховыя.

Ходитъ Савелій по комнатѣ.

«Господи, это какъ царство небесное!».

Походилъ, походилъ да и прилегъ на кровать.

А по стѣнѣ у кровати, какъ заборъ, а въ заборѣ щелка.

Онъ въ эту щелку и смотритъ:

а тамъ комната еще лучше убрана.

Вошелъ разбойникъ въ свою комнату.

Пусто. Однѣ голыя стѣны. И двѣ доски вмѣсто кровати.

Походилъ, походилъ, да на дощечки-то и легъ —

и какъ повалились на него съ потолка сабли,

тесаки, пистолеты, ружья, топоры, ножи.

Все на него валится и колетъ.

Всю ночь продрожалъ.

Вошелъ хозяинъ въ свою комнату.

У него, какъ у разбойника, голо.

Легъ онъ на доски. И напала на него жажда и такой голодъ —

попадись какое животное, сырьемъ съѣлъ бы!

Вскочилъ онъ —

бѣгаетъ, да стѣны грызетъ зубами.

Тошно.

*

Наутро выпустилъ Никола Савелія.

— Каково тебѣ, Савельюшка, было спать?

— Охъ, Никола Милостивый! Какъ царство небесное.

— Это вѣчное мѣсто твое. А рядомъ — старухѣ твоей. Ступай съ Богомъ. Будетъ тебѣ покой.

Выпустилъ Никола разбойника.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать: всю ночь продрожалъ.

— Какъ отъ тебя невинныя души тряслись, и умаливали тебя и упрашивали, а ты ихъ билъ, кололъ, давилъ. Теперь твой чередъ. Это мѣсто твое.

Выпустилъ Никола хозяина.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать: всю стѣну прогрызъ.

— Это за жадность твою: какъ тѣ, кому ты отказывалъ, самъ будешь мучиться голодомъ и жаждать. Это мѣсто твое.

И отпустилъ ихъ Никола.

*

Пошелъ разбойникъ свой грѣхъ замаливать.

Не забыть и хозяину голодной ночи! — пошелъ онъ къ своей хозяйкѣ: не поскупится, подѣлится съ несчастнымъ.

Вернулся Савелій домой.

И зажили по-прежнему старики:

поятъ и кормятъ бѣдноту, взаймы даютъ
и долгу назадъ не требуютъ.

По-прежнему идетъ народъ къ Савелію,
Но ужъ что отдастъ, того нѣтъ и нѣтъ!
Все роздали:

и хлѣбъ роздали,
скота всего роздали,
всю казну роздали.

И ничего въ домѣ болѣ нѣтъ.

Осталась только краюшка на столѣ —

только укусить маленько тому и другому.

Перекрестился старикъ:

— Слава Тебѣ, Господи, у насъ ничего теперь нѣтъ.

Перекрестилась старуха:

— Слава Тебѣ, Господи! Давай, старикъ, закусимъ краюшечкой, да и пойдемъ по міру.

Закусили краюшкой, попрощались съ домомъ.

И пошли — —

— — идутъ старики мимо своего окошка и
слышатъ въ домѣ плачъ:
«Ой, кто же это тамъ?»
Заглянули въ окно —

А тамъ мертвыя два тѣла лежатъ. — Это души ихъ, значитъ, пошли! — Оба тѣла лежатъ рядышкомъ:

Савелій да старуха его.

А надъ ними бѣднота, горемыки.

НИКОЛА ЧУДОТВОРЕЦЪ

I.

Жили-были три брата — купцы Ломтевы. Большую торговлю вели съ заморскими королями.

Три каменные дома Ломтевыхъ славились на весь городъ. А старшого брата домъ всѣхъ богаче.

И былъ у него одинъ сынъ Василій.

Стали братья собираться на ярмарку. И говоритъ старшій братъ братьямъ:

— Возьмите моего сына не для торговли, а для науки.

Братья согласились.

Нагрузилъ ему отецъ шесть кораблей драгоцѣннаго камня, и благословилъ въ путь для науки.

Пріѣзжаютъ они въ королевскую землю.

Привалили на пристань, пошли себѣ мѣсто откупать, а Василій остался на пристани, знай, посматриваетъ.

Вотъ идетъ старичище, королевскій карла.

— Что, молодецъ, привезъ?

— Дядья привезли краснаго товару, а я драгоцѣннаго камню шесть кораблей.

— А еще дома есть?

— Есть.

— Предоставь мнѣ еще шесть кораблей. Деньги получишь вразъ.

Крикнулъ Василій рабочихъ — выгрузили товаръ. Написалъ карла расписку. Тутъ вернулись на пристань дядья и хвалятъ, что хорошо товаръ запродалъ, цѣну хорошую взялъ.

Стала ярмарка закрываться, поѣхали они домой.

Отецъ встрѣчаетъ Василія.

— Что, милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Не знаю, что выйдетъ. Предоставь еще, тятенька, шесть кораблей: деньги получишь вразъ.

И отецъ его за то похвалилъ.

И когда подошла пора, нагрузилъ ему отецъ еще шесть кораблей драгоцѣннаго камню. И поѣхалъ Василій въ королевскую землю.

Привалили на пристань.

Дядья пошли мѣсто себѣ выторговывать, а Василій остался поджидать покупателя.

Вотъ идетъ старичище, королевскій карла.

— Что, молодецъ, исполнилъ договоренное?

— Исполнилъ.

Карла поглядѣлъ: шесть кораблей — товаръ тотъ же.

Крикнулъ Василій рабочихъ — выгрузили товары.

Велитъ ему карла явиться за деньгами.

Вернулись дядья на пристань, Разсказалъ имъ Василій о продажѣ.

— Нате расписку, сходите въ такой-то домъ, получите. У меня толку не хватитъ расчитаться.

Взяли они расписку и пошли за расчетомъ.

Вышелъ къ нимъ старичище.

— Идите, молодцы, за мной. Чѣмъ вы желаете получить: мѣдными деньгами или серебромъ или золотомъ или, есть у меня еще про васъ, коли хотите?

Сидитъ дѣвица и такъ хороша — не столь зарились они на деньги, сколь смотрѣли на эту дѣвицу. Да такъ отъ грѣха и ушли на пристань.

— Ступай, Вася, бери что знаешь самъ.

Пошелъ Василій.

— Что, молодецъ, какими деньгами желаешь: мѣдью, золотомъ или серебромъ или, есть у меня еще про тебя, коли хочешь?

Василій посмотрѣлъ на дѣвицу и долго не думалъ,—
вотъ что ему надо за двѣнадцать кораблей!

— Имущества съ ней не много пойдетъ, только одна шкатулка, — сказалъ карла.

— Ничего, у насъ казны довольно съ отцомъ.

Попращался Василій съ карлой. Взяла дѣвица шкатулку и пошла за нимъ.

И какъ вышла она на волю, помолилась —
она, какъ въ аду тутъ была, сызмлада выкраденная!

Увидѣли дядья, что ведетъ Василій дѣвицу на пристань, голову потеряли:

хороша-то хороша, да не похвалитъ отецъ —
навѣчно его разорилъ!

Окончилась ярмарка. Пріѣхали они домой.

Встрѣчаетъ отецъ Василія:

— Что милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Не знаю, тятенька, видно, съ накладомъ: я купилъ себѣ жену за двѣнадцать кораблей.

Отецъ и ну его таскать.

— Сгинь, — кричитъ, — съ моихъ глазъ, и не ходи ко мнѣ никогда въ домъ. Куда знаешь, туда и ступай!

И остался Василій на улицѣ съ молодой женой.

Ночь переночевали на постояломъ дворѣ.

На утро жена вынула изъ шкатулки три златницы.

— Ступай, Василій, купи себѣ домъ.

Василій взялъ деньги и пошелъ по городу. И не долго искалъ купца, нашелся такой.

Повелъ купецъ Василія домъ смотрѣть:

домъ трехъэтажный, каменный.

— Много ль возьмешь?

— А что дашь?

— У меня три златницы.

— Одной довольно, — сказалъ купецъ.

— Ну бери двѣ: мой домъ!

Расчитался Василій съ купцомъ, да скорѣй за женой — будетъ имъ гдѣ жить!

А на послѣднюю златницу купилъ онъ вина, выкатилъ бочку къ воротамъ:

а кто бы ни прошелъ, ни проѣхалъ, всѣхъ зоветъ справлять новоселье.

Потомъ пошелъ къ дядѣ — посулился дядя. Пошелъ къ другому — и другой не отказалъ.

Пошелъ къ отцу, и палъ передъ нимъ на колѣни.

Да слышать ничего не хочетъ отецъ — да за волосья, да вонъ его и выбилъ на улицу.

2.

Вернулся Василій въ свой новый домъ — полонъ домъ народа.

— Что не веселъ, хозяинъ? — обступили гости.

А какое ему веселье? Разсказалъ онъ про отца: какъ отецъ его встрѣтилъ.

Всѣмъ народомъ пошли къ старику за сына просить.

И уломали старика.

Пришелъ отецъ — первое мѣсто ему, первую чару.

Подарилъ отецъ молодымъ козла,

старшій дядя — лошадку,

младшій — корову.

И много имъ набросали серебра — много денегъ собралъ Василій съ женой.

Отецъ простилъ сына и ужъ домой не вернулся, а велѣлъ запечатать свой домъ, самъ остался съ сыномъ да съ невѣсткой.

И зажили втроемъ дружно.

Говорятъ дядья Василію.

— Вотъ, племянничекъ, ѣдемъ мы на три ярмарки, поѣдемъ съ нами!

— Да не съ чѣмъ мнѣ ѣхать-то.

А жена и говоритъ:

— Поѣзжай, Василій: богаче ихъ вернешься.

Василій и согласился.

Тутъ жена открыла шкатулку, вынула еще златницу и посылаетъ его на рынокъ купить ей разныхъ шелковъ. Пошелъ Василій на рынокъ, купилъ женѣ разныхъ шелковъ.

Въ трое сутокъ вышила она три ширинки, законвертила ихъ въ родѣ кирпичиковъ, подписала подписи.

— Въ первое королевство пріѣдешь, тамъ крестная моя — королева: подай этотъ конвертъ. А въ другое королевство пріѣдешь, вотъ этотъ конвертъ подай, тамъ мой крестный — король. А въ полунощное царство пріѣдешь, тамъ мой отецъ и моя мать!

Взялъ Василій конверты, простился съ женой.

— Прощай, царевна!

И безъ денегъ поѣхалъ съ дядиными кораблями.

Пріѣзжаютъ въ первое королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами:

дядья свое — всякія матеріи подносятъ,
а Василій царевнинъ конвертъ.

Развернулъ король ширинку, а на ширинкѣ подпись къ крестной.

Обрадовался король съ королевой.

— Гдѣ ты нашелъ ее, нашу крестницу?

— Очень она мнѣ дорого стала: далъ за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

А король и королева на радостяхъ все бы отдали.

— Жертвуемъ тебѣ три корабля на отдарки.

Нагрузили Василію три корабля драгоцѣннаго камню, кончилась ярмарка, и поѣхали они въ другое королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами:

дядья — свое,
а Василій царевнинъ конвертъ — съ ширинкою.

А на ширинкѣ — подпись къ крестному.

— Гдѣ ты нашелъ мою крестницу? — удивился король.

— Очень она мнѣ дорого стала: далъ за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

И крестный пожертвовалъ на радостяхъ три корабля на отдарки.

Нагрузили Василію три корабля драгоцѣннаго камню. Кончилась ярмарка, и поѣхали они въ полунощное царство.

Приходятъ они къ царю съ гостинцами:

дядья свое — матеріи всякія,

Василій — царевнинъ конвертъ.

И какъ вывернули конвертъ, а тамъ ширинка.

А на ширинкѣ подписана подпись царю.

Обрадовался царь.

— Гдѣ ты нашелъ мою милую дочь?

Разсказалъ Василій о королевскомъ карлѣ:

какъ въ аду жила тамъ царевна.

— Очень она мнѣ дорого стала: далъ за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

— Эка, дорого! Жертвую тебѣ на отдарокъ шесть кораблей.

Нагрузили Василію шесть кораблей драгоцѣннаго камню, и стало у него всѣхъ двѣнадцать, какъ было.

Раздумался царь:

да въ правду ли Василій нашелъ его дочь?

И говоритъ приближеннымъ:

— Какъ бы такъ провѣрить? Нельзя ли мою дочь предоставить сюда?

— Поздно ты хватился, надо было пораньше! — говорятъ царю приближенные.

А одинъ выискался Котъ-и-Левъ:

море ему по-колѣно и на догадку гораздъ.

— Черезъ его именной перстень можно ее скоро достать.

А ужъ ярмарка кончилась, собрались корабли плыть домой. Царь Котылева послушалъ, да на пристань, зоветъ Василія: проситъ остаться еще на денекъ.

— Милой зять, попируй со мной суточки, я тебя отправлю потомъ.

Поплыли домой карабли, а Василій остался у царя пировать.

На пиру ему подлили сонныя капли:

как выпилъ и уснулъ крѣпко.

Съ соннаго сняли съ него именной перстень. Съ этимъ перстнемъ и поѣхалъ царскій посолъ въ Ломтевъ-городъ за царской дочерью.

Много ль спалъ Василій, проснулся, и скорѣе на свои корабли догонять дядьей.

А посолъ пріѣхалъ въ ихъ городъ, разыскалъ старика Ломтева и прямо къ царевнѣ.

Узнала царевна мужнинъ перстень, повѣрила и сейчасъ же отправилась въ полунощное царство къ отцу.

Нагналъ Василій корабли дядьей. И пріѣхали вмѣстѣ.

На пристани встрѣчаетъ отецъ Василія.

— Что сынокъ, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Вотъ тебѣ, тятенька, радость: получилъ я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню, бери ихъ себѣ!

Обрадовался отецъ:

всѣ двѣнадцать кораблей вернулъ ему сынъ!

— А гдѣ же жена? — спрашиваетъ Василій.

— Да, вѣдь, ты же ее по своему перстню вызвалъ къ отцу!

Тутъ хватился Василій, а перстня-то нѣтъ.

Затужилъ онъ, заплакалъ, не пошелъ и домой, пошелъ онъ на край моря, куда глаза глядятъ.

3.

Идетъ Василій на край моря и день и другой и третій, — не три дня, три года.

И показался ему старичокъ.

— Что, Василій, идешь и плачешь, о чемъ больно тужишь?

Посмотрѣлъ Василій на старика.

— Ой, Никола милостивый, какъ не тужить мнѣ: жену потерялъ. Мнѣ на нее хоть бы глазкомъ поглядѣть!

— Увидишь, — сказалъ Никола.

Подалъ Никола ему топоръ, велѣлъ рубить дубъ.

Срубилъ Василій дубъ.

Изладилъ Никола изъ листьевъ и вѣтокъ коверъ-самолетъ, изъ верхушки сдѣлалъ самогудную скрипку. Далъ скрипку Василію въ руки.

Оба стали на коверъ-самолетъ.

— Играй на верхніе лады! — сказалъ Никола.

Заигралъ Василій на верхнихъ ладахъ —

и они полетѣли.

Высоко летѣли надъ моремъ.

— Дѣдушка, не шире бараньей кожуры мнѣ кажется море! — удивлялся Василій.

— Ну, играй теперь на нижніе лáды.

Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ —

сѣлъ коверъ-самолетъ у царскаго сада.

— Слушай, Василій, — сказалъ Никола, — жена твоя выходитъ замужъ за королевскаго сына. Послѣднія минуты. Выйдетъ она сейчасъ въ садъ, веди ее сюда. Только знай: тутъ есть бесѣдка, въ бесѣдкѣ скамейка, не садись на скамейку, уснешь, не увидишь.

Василій ходилъ, ходилъ по саду, а ее все нѣтъ.

Вошелъ въ бесѣдку, забылся и сѣлъ на скамейку.

И уснулъ.

Вотъ вышла царевна на прогулку, заглянула въ бесѣдку — что за человѣкъ? — подошла поближе и узнала. Вспомнила царевна старопрежнее, любовь свою, обрадовалась. Но сколько его ни будила, никакъ не могла разбудить.

Такъ и ушла.

Проснулся Василій, да скорѣй изъ бесѣдки.

— Дѣдушка родимый, что я надѣлалъ!

— Долго время она тебя будила, — сказалъ Никола, — еще разъ она выйдетъ на прогулку, карауль, не проспи!

И опять Василій ходитъ по саду, а ее все нѣтъ, — зашелъ онъ въ бесѣдку, сѣлъ на скамейку.

И уснулъ.

И опять вышла царевна въ садъ и прямо въ бесѣдку. И долго будила.

И будитъ и плачетъ.

— Ты больше меня никогда не увидишь.

А онъ спитъ.

Поплакала царевна и ушла домой.

Проснулся Василій, хватился, да поздно.

— Ну, дѣдушка, я самъ пойду за ней.

Никола далъ ему коверъ-самолетъ и самогудную скрипку.

— Попросись у царя поиграть, — сказалъ Никола.

Съ дарами Николы вошелъ Василій въ царскія палаты.

Тамъ пиръ, свадьбу играютъ — выдаютъ царевну за королевскаго сына.

Поздоровался Василій съ царемъ — не узналъ его царь! — проситъ Василій поиграть въ свою музыку. Царь дозволилъ.

Разостлалъ Василій коверъ-самолетъ, взялъ въ руки скрипку, сталъ на коверъ.

— Ваше царское величество, велите отворить окна и двери: моя музыка громко играетъ.

Растворили окна и двери.

И заигралъ Василій въ самогудную скрипку —
всплакались самогудныя струны.

Подбѣжала къ нему царевна — захотѣлось ей поцѣловать его — подбѣжала царевна, стала на коверъ-самолетъ.

— Держись за меня крѣпче! — шепнулъ ей Василій.

И заигралъ высоко на верхнихъ ладахъ.

Тогда поднялся на воздухъ коверъ и, все равно какъ метлячекъ полевой, вылетѣлъ на волю.

Забили тревогу:

кто изъ ружья,
кто изъ пушки —
мѣтятъ, цѣлятъ, палятъ —

Громъ гремитъ отъ пальбы, а достигнуть не могутъ: высоко!
Залетѣлъ Василій съ царевной высотою высоко —
море подъ ними не шире бараньей кожуры.
«Кабы намъ сюда родного дѣдушку!» —вспомнилъ Василій.
— Играй теперь на нижніе лады! — услышалъ Василій.
А Никола-то съ ними:
онъ и на пиру у царя съ нимъ невидимо былъ.
Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ —
стали спускаться на землю.

— Ступайте теперь домой, — сказалъ Никола и далъ Василію тайно кремень и огниво: — чиркни трижды, и будетъ помощь! Да смотри, про кремень и плашку никому не сказывай.

Попрощался Василій съ Николой, повелъ царевну домой.

Обрадовался отецъ сыну, а пуще того, что съ женой вернулся.

А тамъ у царя все разладилось.

Королевскій сынъ, дѣлать нечего, уѣхалъ въ свое королевство.

Опять потерялъ царь любимую дочь.

И собралъ царь своихъ приближенныхъ, говоритъ имъ:
— Не Василій ли хитникъ? не онъ ли увезъ царевну?
Говорятъ царю приближенные:
— Должно, что онъ, Василій Ломтевъ, некому больше.
Тутъ выискался опять Котъ-и-Левъ и надоумилъ царя:
самому царю ѣхать немедля въ Ломтевъ-городъ
и испытать дѣло.

Послушалъ царь Котылева и на семи корабляхъ поплылъ за царевной.

Побѣжалъ народъ на пристань встрѣчать царя.

А Василій запрягъ карету, встрѣтилъ тестя, и привезъ его въ свой домъ.

Обрадовался царь, что нашелъ дочь. И пировалъ царь у зятя.

А послѣ пира зоветъ его къ себѣ на житье.

Согласился Василій, попрощался съ отцомъ.

— Въ живности меня не будетъ, отпусти ты мою скотину на волю: моего козла, коня и корову.

Пообѣщалъ отецъ исполнить волю, проводилъ сына.

И вернулся царь въ полунощное царство, а съ нимъ царевна и Василій.

И завелъ царь пиръ на весь міръ.

4.

Узналъ королевичъ, что невѣста его за Ломтевымъ, обидно стало:

собралъ онъ большую силу и пошелъ войной на полунощное царство съ царемъ воевать.

У царя силы тоже не мало, да снарядовъ нѣту:

какія были пули, всѣ тогда разстрѣляли по ковру-самолету.

Выѣхалъ царь съ Василіемъ въ луга —

застлала королевская сила луга.

Говоритъ царь Василію:

— Что, милой сынъ, на что намъ надѣяться?

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго! — сказалъ Василій.

Вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ — —

и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ, на какія работы?

— Сѣките силу безостаточно! — приказалъ Василій.

И не больше часу дѣло продлилось —

ничего не осталось отъ королевской силы.

— Ну, зять, стоишь ты званія! —похвалилъ царь Василія.

Вернулись они во дворецъ.

Истопила царевна баню.

— Мила ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала она пытать у Василія.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго, — отвѣчалъ ей Василій.

Ночь прошла.

На утро смотритъ царь въ окно: черно, всѣ луга застланы —
еще большую силу за ночь пригналъ королевичъ.

И опять выѣхалъ царь съ Василіемъ въ луга.

— Что милой сынъ, на что намъ надѣяться?

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго! — сказалъ Василій.

Вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ — —
и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ, на какія работы?

— Сѣките силу безостаточно! — приказалъ Василій.

И рѣшили силу за два часа.

Вернулся царь во дворецъ съ Василіемъ.

Истопила царевна баню.

— Мила ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала снова пытать у Василія.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу милостиваго, — отвѣчалъ ей Василій.

А царевна ну ластиться:

— Скажи да скажи про ухорѣзовъ: откуда такіе, ухорѣзы?

Василій ей все и сказалъ.

— Есть у меня кремень и плашка, я ими и дѣйствую, — открылъ тайну Василій.

Послѣ ласковой бани сладко спится —
крѣпко заснулъ Василій.

Осталась царевна одна и раздумалась:
жалко ей королевича, погубитъ Василій всю
его силу, и его самого погубитъ!

Да, долго не думая, и вытащила изъ кармана у Василія кремень и огниво. И приказала взять въ лавкѣ такой же кремень и огниво: тѣ спрятала, а эти положила на мѣсто.

А Василій спитъ, ничего-то не знаетъ.

На утро смотритъ царь въ окно:

есть въ лугахъ королевская сила, да не такая ужъ, больше старые да малые.

И въ третій разъ поѣхалъ царь въ луга съ Василіемъ.

И говоритъ Василій царю:

— У королевича силы не больно много. Хоть и немного, да сердце у меня сегодня слышитъ: едва ли мнѣ сегодня живу быть.

И вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два, до трехъ разъ — —

а нѣтъ никого.

Нѣтъ никого, нѣтъ ухорѣзовъ.

— Ну, батюшка, поѣзжай домой, а мнѣ конецъ! — сказалъ Василій.

Тогда подбѣжала королевская сила — старые и малые — и изсѣкли его на мелкіе куски:

собрали куски, зарыли и столбъ поставили.

А королевичъ вошелъ во дворецъ, взялъ царевну и увезъ ее въ свое королевство.

Заревѣла скотина Васильева:

козелъ,
конь,
корова.

И не можетъ отецъ ее никакимъ кормомъ уважить: все реветъ.

И догадался старикъ:

«Неужели сына нѣтъ въ живности!»

И выпустилъ ихъ на волю.

И пустились они, кто какъ могъ, и прямо на побоище — къ столбу кровавому.

Говоритъ буренушка:

— Козелъ Козловичъ, вырывайте! И ты, лошадушка, вырывайте! А я помчусь за живой водой.

Трое сутокъ трудились козелъ и конь —

отрыли всѣ куски и кусочки,
и собрали все вмѣстѣ:
какъ есть человѣкъ.

Примчалась буренушка, фырскнула изъ лѣвой ноздри —
и куски срослись.

Фырскнула изъ правой ноздри —
и Василій сталъ.

Пóмянулъ онъ отца, что не забылъ обѣщаніе, и скотинѣ спасибо сказалъ.

— Ну, родимая скотинушка, ты ступай къ моему родителю, а мнѣ итти некуда!

Побѣжала на радостяхъ скотина домой:
козелъ,
конь,
корова.

А онъ край моря пошелъ, куда глаза глядятъ.

5.

Идетъ Василій край моря и день и другой и третій — не три дня, три года.

И показался ему старичокъ.

— Что, Василій, побѣдствовалъ?

— Ой, Никола милостивый, мнѣ теперь ее во вѣкъ не видать!

— Увидишь, — сказалъ Никола и далъ ему ягоду: — на чего тебѣ подумается, тѣмъ ты и сдѣлаешься.—

Василій съѣлъ ягоду, подумалъ на воробья —
воробьемъ и сдѣлался.

Воробьемъ и полетѣлъ — и прямо полетѣлъ въ королевство заморское къ королевичу.

Тамъ ударился о землю —
и сдѣлался опять молодцомъ.

Идетъ Василій по городу мимо дворца королевскаго —
мимо окошка царевны.

Царевна въ окнѣ сидитъ.
Признала Василія —
схоронилась въ окнѣ.

И пошелъ Василій изъ дворца на край города.

Тамъ жила старуха, на краю города, нищая. Къ ней и зашелъ Василій.

— Откудова? Какой молодецъ ты! — поздоровалась старуха.

— Очень, бабушка, я дальній, — осмотрѣлся Василій, — а бѣдно же ты живешь!

— По міру хожу.

— Я тебя сдѣлаю богатой. Сослужи мнѣ службу. Пойдемъ вмѣстѣ на улицу, тамъ я обернусь жеребцомъ, а ты меня веди на базаръ продавать и возьми за меня сто рублей. Самъ королевичъ меня купитъ. Только уздечку не продавай, себѣ оставь. Купитъ меня королевичъ — заколетъ меня. И когда меня будутъ колоть, возьми ведро, стань съ ведромъ подъ гортанью — хлынетъ кровь прямо въ ведро, и посѣй эту кровь передъ дворцомъ — выростетъ садъ. А когда станутъ рубить этотъ садъ, возьми съ земли первую щепку и кинь ее въ море.

Вышелъ Василій со старухой на улицу —
и сталъ жеребцомъ.
И повела старуха жеребца на базаръ.
Ѣдетъ королевичъ.
— Стой, старуха, продай жеребца.

Старуха продала жеребца, получила сто рублей и, богатая, пошла домой.

А царевна все знаетъ:
догадалась, что за жеребецъ.

— Если ты его не заколешь, ты меня не увидишь! — говоритъ королевичу.

И, какъ ни жаль королевичу, велѣлъ заколоть жеребца.
Вывели жеребца на площадь передъ дворцомъ —
свалили колоть.

Услыхала старуха, вспомнила и пошла съ ведромъ на площадь.

Поставила ведро коню подъ горло.

— Что вы дѣлаете, жеребца такого колоть? — жалко стало старухѣ коня.

— Хозяева приказали, такъ что намъ! — отвѣчали работники.

Да какъ рѣзанутъ его по горлу, кровь такъ и хлынула —
и прямо въ ведро.

Старуха набрала полно ведро — и разсѣяла кровь передъ дворцомъ.

Поутру смотритъ королевичъ —
а около дворца садъ.

А царевна все знаетъ:
догадалась, какой это садъ.

— Садъ если ты не вырубишь, меня не увидишь! — сказала она королевичу.

— Коня мнѣ жалко, а сада еще жальче: садъ больно хорошъ! — говоритъ королевичъ.

А она стоитъ на своемъ:

— Если не вырубишь, меня не увидишь!

И покорился ей королевичъ — велѣлъ вырубить садъ.

Услыхала старуха, вспомнила, потащилась на рубку.

— Что вы тутъ съ топорами пришли, — говоритъ работникамъ, — такой чудесный садъ?

— Хозяева приказали, такъ что намъ!

И какъ стали рубить —
изъ перваго дерева вылетѣла щепка наодаль — —

Старуха подняла щепку —
и кинула ее въ море.

И сталъ изъ щепы селезень — всякое перышко въ серебрѣ.

Плавалъ селезень по морю.

Выходилъ народъ къ берегу, смотрѣлъ на диковинку.

А царевна все знаетъ:
догадалась, что за селезень.

— Застрѣли, — кричитъ королевичу, — застрѣли селезня, а не то не увидишь меня никогда!

Вотъ и вышелъ королевичъ на море и увидѣлъ селезня.

А селезень къ краю плыветъ, покрякиваетъ.

И захотѣлось королевичу такъ поймать, живьемъ:

снялъ онъ съ себя все, вошелъ въ воду и ну селезня руками ловить.

А селезень нырнетъ отъ него — и къ нему:

манитъ въ глубь.

Королевичъ и сталъ тонуть.

Селезень вспорхнулъ на берегъ —

и сдѣлался молодцомъ.

Вынулъ Василій изъ королевскаго платья кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ — —

и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ, на какія работы?

— Сожгите весь городъ, только оставьте дворецъ да избушку старухину! — приказалъ Василій.

И подожгли ухорѣзы —

у! какъ загорѣлось!

Съ берега смотрѣлъ Василій на огненное царство.

И показался ему старичокъ:

шелъ старикъ къ огню — велъ царевну черезъ огонь.

— Ой, Никола милостивый! — взмолился Василій.

А старичокъ подвелъ къ нему царевну.

И огонь погасъ.

И благословилъ ихъ Никола милостивый чудотворецъ на новую жизнь —

жить вѣрно въ любви.

Василій съ царевной вернулся въ полунощное царство и стали они жить и быть.

И по смерти царя, наступилъ Василій Ломтевъ въ полунощномъ царствѣ царемъ.

СВѢЧА ВОРОВСКАЯ

Жилъ-былъ одинъ человѣкъ, а время было трудное, вотъ онъ и задумалъ себѣ промыслить добра, да недобрымъ дѣломъ.

Что у кого плохо лежитъ — не обойдетъ, припрячетъ, а то накупитъ дряни какой, выйдетъ купцомъ на базаръ и такъ заговоритъ ловко, такъ выкрутитъ, совсѣмъ тебя съ толку собьетъ и втридорога сбудетъ, — одно слово, воръ.

И всякій разъ, дѣло свое обдѣлавъ, Николѣ свѣчку несетъ.

Понаставилъ онъ въ церкви свѣчей, только его свѣчи и видно.

И пошла молва про Ипата, что по усердію своему первый онъ человѣкъ и въ дѣлахъ его Никола ему помощникъ.

Да и самъ Ипатъ-то увѣрился, что никто, какъ Никола.

***

И однажды хапнулъ онъ у сосѣда, да скорѣй наутекъ для безопаски. А тамъ, какъ на грѣхъ, хватились, да по слѣдамъ за нимъ въ догонку.

Бѣжалъ Ипатъ, бѣжалъ, выбѣжалъ за село, бѣжитъ по дорогѣ — вотъ-вотъ настигнутъ! — и попадаетъ ему навстрѣчу старичокъ, такъ, нищій старикъ, побиральщикъ.

— Куда бѣжишь, Ипатъ?

— Ой, дѣдушка, выручи! Не дай пропасть, схорони: настигнутъ, живу не бывать.

— А ложись, — говоритъ старикъ,—вона въ ту канавку.

Ипатъ — въ канаву.

А тамъ — лошадь дохлая.

Онъ подъ лошадь, въ брюхо-то ей и закопался.

Бѣгутъ по дорогѣ люди и прямо по воровскому слѣду. А никому и не вдомекъ, да и мудрено догадаться:

канавка хоть и не больно глубока, да дохлятину-то разнесло, что гора.

Такъ и пробѣжали.

Ипатъ и вышелъ.

И старичокъ тутъ же на дорогѣ стоитъ.

— Что, Ипатъ, хорошо тебѣ было въ сырости-то лежать?

— Ой, дѣдушка, хорошо, — чуть не захлебнулся!

— Ну, вотъ, видишь, захлебнулся! — сказалъ старикъ и сталъ такой строгій, — а мнѣ, какъ думаешь, отъ твоихъ свѣчей слаще? Да свѣчи твои, слышишь, мнѣ, какъ эта падаль!

И пошелъ такой строгій.

КАЛЕНЫЕ ЧЕРВОНЦЫ

Шелъ мужикъ лошадь продавать и хвалился:

— Кого хошь обдую: и умника и простого и святого, кого хошь!

И только это сказалъ онъ, а ему старичокъ навстрѣчу.

— Продай лошадку-то!

Посмотрѣлъ на него Кузьма: такъ, старикъ не изъ годящихъ и разговаривать-то съ такимъ — время тратить.

— Купи.

— А сколько?

— Сто рублей.

— Да что ты, креста на тебѣ что ли нѣтъ? Конь-то твой былъ конь, да съѣзженъ, десятки не стоитъ.

— Ну, и проваливай, — огрызнулся Кузьма, — не по тебѣ цѣна, не для тебя и конь!

И пошелъ.

И старикъ пошелъ, ничего не сказалъ, да остановился, что-то подумалъ. И ужъ догоняетъ.

— Уступи.

А тотъ молчитъ.

— Уступи, хоть сколько! — проситъ старикъ, не отстаетъ.

И вотъ-вотъ двинетъ его Кузьма: надоѣло.

— Ну, ладно, коли ужъ такъ надо, бери сто! — сказалъ старикъ и высыпалъ ему на ладонь червонцы.

А самъ сѣлъ на лошадь и прощай.

*

У Кузьмы въ глазахъ помутилось: червонцы!

И хотѣлъ онъ ихъ въ карманъ спрятать, а никакъ и не можетъ съ ладони ссыпать:

пристали къ ладони, не отлипаютъ.

Бился, бился, — а ничѣмъ не отдерешь.

И жжетъ.

Отъ боли завертѣлся Кузьма — и ужъ едва до дому добрался.

И дома мѣста себѣ не находитъ: жгутъ червонцы.

Извелся весь. Ужъ кается, да ничего не помогаетъ —

жгутъ червонцы, какъ угли каленые.

И вотъ совсѣмъ обезсилѣлъ и заснулъ.

И приснился ему сонъ:

«Иди, — говоритъ, — той дорогой, по которой шелъ продавать лошадь. Встрѣтишь того старика, покупай назадъ лошадь. Сколько ни спроситъ старикъ, давай».

*

Очнулся Кузьма.

Чуть свѣтъ вышелъ на дорогу — на свѣтъ ему поднять глаза трудно.

И жжетъ.

А старикъ-то и ѣдетъ.

Поклонился онъ старику.

— Продай, дѣдушка, лошадь-то!

Смотритъ старикъ, не признаетъ.

— Лошадку-то продай, дѣдушка, мою! — едва слова выговариваетъ несчастный.

— Десять рублей, — сказалъ старикъ.

— Бери сто.

— Зачѣмъ сто? Десять.

И поѣхалъ.

Кузьма стоитъ на дорогѣ — въ пору волкомъ завыть.

Старику-то, видно, жалко стало, и вернулся.

— Ну, давай ужъ сто.

Обрадовался Кузьма — и въ ту же минуту отлипли червонцы, такъ и зазвенѣли, каленые, о холодный камень.

Нагнулся, собралъ въ горсть, глядь, а передъ нимъ старичокъ-то, какъ попъ въ ризахъ.

— Батюшка Никола угодникъ!

А старикъ стоитъ и такъ смотритъ: броватый такой, а кротко.

— Прости родненькій!

— Ну, иди съ Богомъ, да не обманывай! — сказалъ старикъ.

И какъ не было.

И червонцы пропали.

Только лошадь одна.

РЕМЕЗЪ — ПТИЦА

Былъ ремезъ не такой малый, былъ ремезъ больше всѣхъ птицъ, а звонкій, звонче во всемъ бору не было птицы.

Тучей подходилъ ремезъ къ городу, громкимъ громомъ ступалъ на свой широкій дворъ. И былъ онъ всѣхъ озорнѣе и всѣхъ обижалъ. И всѣ его страсть какъ боялись.

*

Вотъ ѣхалъ разъ въ зимнюю пору Никола угодникъ. Ѣдетъ себѣ лѣсомъ, поспѣшаетъ на угодное дѣло. А въ лѣсу шаловалъ ремезъ, да какъ вылетитъ на дорогу, да какъ свистнетъ — перепугался конь Николинъ, рванулъ:

сани на бокъ и прямо въ снѣгъ.

Поднялся Никола, пошелъ къ Господу Богу:

большая была досада на птицу.

— Я, Никола, я Твой угодникъ, — сказалъ милостивый Никола Господу Богу, — и на что попускаешь разбойнику этому: всѣхъ обижаетъ, коня моего напугалъ, Сивку!

И проситъ у Бога управы на птицу.

И внялъ Богъ: покаралъ шаловатую птицу —

отнялъ отъ ремеза силу,

а перья его раздалъ птицамъ на прибыль роста.

И сталъ ремезъ такой малою птицей.

*

И нынче у всякой птички, у всякой пичужки есть перышко, хоть малое, отъ ремеза-птицы.

И за то ее всѣ любятъ.

И за то она первая птица — ремезъ.

ЗАДАЧА

Жилъ-былъ попъ благочестивый Наркисъ.

Всякаго въ приходѣ своемъ Никольскомъ зналъ попъ въ глаза и о всѣхъ имѣлъ заботу. И всѣ шли къ попу со своими горями и бѣдами, — любили попа.

А былъ попъ Наркисъ вдовый и только-что въ заботахъ и находилъ себѣ покой въ своей вдовой долѣ. Да была у него дочь Зинаида, въ городѣ училась, въ училищѣ, и о ней попъ когда говорилъ, то всѣмъ становилось весело.

Пріѣдетъ на праздникъ къ отцу Зинаида, тоненькая такая и голосъ тихій, а какъ начнетъ ввечеру догматики знаменнымъ распѣвомъ пѣть на разные гласы, до слезъ пройметъ.

Слушаетъ попъ Наркисъ Зинаиду и самъ пѣть примется.

И до того въ домѣ у нихъ хорошо да привѣтливо: зайдетъ ли кто посидѣть, поговорить съ попомъ по душѣ, и уйдетъ домой, какъ и горя не было.

Ну, а бѣсамъ это и непріятно: имъ непремѣнно, что разъ ты попомъ сдѣлался, такъ изволь все наоборотъ, — и попивать, и буянить, и чтобы въ карты и худыми дѣлами всякими заниматься на соблазнъ людямъ и осужденіе.

И возненавидѣли бѣсы Наркиса и затѣяли проучить его по своему — чтобы былъ имъ попъ слугою вѣрнымъ.

*

И вотъ на святкахъ, въ полночь, когда попъ, окончивъ спальныя молитвы, собирался укладываться, ворвались они

къ нему въ домъ — и пошелъ по покоямъ и на кухнѣ и стукъ и шумъ.

— Отдавай, — говорятъ, — дочь Зинаиду, а не то силой возьмемъ!

Перепалъ попъ, не знаетъ, что съ ними и дѣлать. И одно проситъ — потерпѣть до слѣдующей ночи, чтобы подумать.

Бѣсы согласились.

Имъ пока и того довольно, что заробѣлъ попъ:

извѣстно, съ заробѣлымъ человѣкомъ что хочешь сдѣлать можно, на какую-угодно гадость толкнуть заробѣлаго-то можно, до петли довести и совсѣмъ безъ подпиха.

— Старайся, ребяты, — сказалъ бѣсъ главный бѣсамъ, — попъ Наркисъ ужъ на половину нашъ, а завтра будетъ нашъ съ головкой.!

И отошли бѣсы.

А попъ, какъ очнулся, сталъ на молитву и молилъ у Бога — просилъ Николу вразумить его: оградить отъ бѣсовъ любимую дочь его Зинаиду.

И до утра все молился, да такъ на молитвѣ, стоя, и задремалъ.

И вложилъ ему въ умъ Никола угодникъ:

«Явится къ тебѣ дьяволъ, задай ему задачу, чего онъ справить не можетъ. Да пѣтушка припаси на случай».

*

Пошелъ попъ въ церковь, а самъ все думаетъ —

какая такая задача бѣсу не подъ силу?

Думалъ, думалъ, да осмотрѣлся и надумалъ.

И когда въ полночь они снова явились со стукомъ, громомъ и шумомъ:

— Отдавай намъ свою дочь Зинаиду!

Попъ Наркисъ имъ отвѣтилъ:

— Если вы, бѣсы, можете до свѣта сострoить церковь, я вамъ отдамъ дочь.

Загреготали бѣсы:

«Эка, попъ-то глупый! И не такое мигомъ сработаютъ, а то церковь до свѣта!»

А главный бѣсъ говоритъ Наркису:

— Покажите намъ, батюшка, мѣсто.

Попъ съ ними вышелъ на улицу, указалъ, гдѣ строить, а самъ въ домъ вернулся.

И закипѣла работа.

И куда еще до разсвѣта, а ужъ церковь до потолка поставлена и иконостасъ готовъ!

Бѣсы старались, работали.

А попъ съ пѣтушкомъ ладилъ:

чикуталъ ему подъ бородушкой его шелковой,
чтобы очхнулся пѣтушокъ и запѣлъ.

И къ свѣту ближе пѣтухъ запѣлъ.

И рухнула церковь безкрестная.

И, кто куда, разсѣялись бѣсы.

Такъ ничего и не взяли.

А попъ Наркисъ еще тверже сталъ въ своей жизни — въ заботахъ, бѣсамъ на пущую досаду.

ЗАРЯ ПЕРЕГОРѢЛАЯ

Мало мы чего знаемъ, и понятіемъ, къ чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаемъ, на это насъ нѣтъ.

*

Пахалъ Антонъ пашню, измаялся. И вечеръ сталъ, заря перегорѣла, а Антонъ все пашетъ.

И попадается ему навстрѣчу старичокъ:

смотритъ куда-то, будто о чемъ задумалъ.

— Скажи, — говоритъ, — Антонъ, къ чему это заря перегораетъ?

— Да къ ненастью, старинушка, — отвѣтилъ Антонъ.

Старикъ его за руку да черезъ оглоблю.

Перевелъ черезъ оглоблю — оборотилъ конемъ и ну на немъ землю пахать.

Перегорѣла заря, звѣзды небо усѣяли, мѣсяцъ вона гдѣ сталъ, когда кончилъ старикъ пахать — а это самъ Никола былъ угодникъ.

И ужъ еле поплелся Антонъ съ поля домой.

*

На другой день пашетъ Антонъ, и опять ему старичокъ навстрѣчу.

— Ну, Антонъ, къ чему заря перегораетъ?

А день стоитъ свѣтлый да теплый.

Тутъ Антонъ — вчерашнее-то ему ой какъ засѣло! — и повинился, что не знаетъ..

— То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о томъ помолчи! — сказалъ старичокъ и пошелъ.

Пошелъ Угодникъ уму-разуму учить насъ, на думу лѣнивыхъ, —

гнѣвный — карать неправду,
милостивый — жалѣть
и собирать насъ, разбродныхъ.

ГЛУХАЯ ТРОПОЧКА

Жили сосѣди, два охотника, и такіе пріятели, водой не разольешь, ходили за охотой, тѣмъ и жизнь свою провождали.

Идутъ они разъ лѣсомъ, глухой тропочкой, повстрѣчался имъ старичокъ.

И говоритъ имъ:

— Не ходите этой тропочкой, охотники.

— А что, дѣдушка?

— Тутъ, други, черезъ эту тропочку лежитъ змѣя превеликая, и нельзя ни пройти, ни проѣхать.

— Спасибо тебѣ, дѣдушка, что насъ отъ смерти отвелъ.

Старикъ пошелъ — не узнали, за простого человѣка сочли, а это былъ самъ Никола милостивый угодникъ.

Постояли охотники, подумали.

— А что, — говорятъ, — намъ какая вещь: змѣя! Не съ пустыми руками, эвона добра-то! Какъ не убить змѣю?

*

Не послушали старика, пошли по тропочкѣ и зашли въ дремучую чащу.

А тамъ превеликій бугоръ казны на тропочкѣ.

И разсмѣхнулись пріятели:

— Вонъ онъ что, старый хрѣнъ, насказалъ! Кабы мы послушали его, онъ бы казну и забралъ себѣ, а теперь намъ ея не прожить!

Сѣли и думаютъ, что дѣлать:

ужъ больно велика казна, на себѣ не дотащишь.

Одинъ и говоритъ:

— Ступай-ка, товарищъ, домой за лошадью, на телѣгѣ ее и повеземъ. А я покараулю. Да зайди, братъ, къ хозяйкѣ моей, хлѣбца кусочекъ попроси: ѣсть что-то хочется.

*

Пошелъ товарищъ домой, приходитъ домой, да къ женѣ:

— Тутъ-то, жена, что намъ Богъ-то далъ!

— Чего далъ?

— Кучу казны превеликую: намъ не прожить, да и дѣтямъ-то будетъ и внучатамъ останется. Затопи-ка поживѣе печь, замѣси лепешку на ядѣ, на зельѣ. Надо: пріятеля угощу.

Ну, баба смекнула, ждать себя не заставила: живо лепешка поспѣла на ядѣ, на зельѣ. Завернула лепешку, положила ему въ сумку.

Запрягъ онъ лошадь и поѣхалъ.

А товарищъ тамъ, сидючи надъ золотой кучей, о своемъ раздумался, зарядилъ ружье и думаетъ:

«Вотъ какъ пріѣдетъ пріятель, я его и хлопну — всѣ деньги-то мои будутъ! А дома скажу, что не видѣлъ его!»

Подъѣзжаетъ къ нему пріятель, тутъ онъ прицѣлилъ — да хлопъ его.

А самъ къ телѣгѣ, да прямо въ сумку — проголодался очень! — лепешечки поѣлъ — — и тоже свалился.

А казна такъ и осталась никому.

ЗАЯЦЪ СЪѢЛЪ

Хорошъ былъ для міру кузнецъ: въ кузницѣ работалъ, за работу ни съ кого не бралъ, кто что дастъ только.

За своего пошелъ кузнецъ среди бѣдноты, всѣ его очень любили. Узнали и чужестранные, стали ѣздить на праведнаго кузнеца посмотрѣть.

И жилъ кузнецъ хорошо и спокойно, ни въ чемъ нужды не зналъ и всѣмъ былъ доволенъ.

Вотъ и приходитъ къ нему разъ старичокъ какой-то:

это самъ Никола угодникъ пришелъ испытать его!

— Что, — говоритъ, — кузнецъ, какъ ты работаешь, за какую работу что берешь?

— Кто что дастъ.

— Какая это твоя работа! Пойдемъ со мной: я лѣкарь. И брать ничего не будемъ, а денегъ большихъ добьемся.

Подумалъ кузнецъ, подумалъ — чего жъ не пойти, коли такое дѣло: и міру польза, и душѣ не обида!— и согласился.

*

И они пошли.

А взяли они съ собой въ дорогу одинъ кошель съ хлѣбомъ—

а хлѣба тамъ всего-то по такому кусочку.

Старикъ ходко идетъ, и хоть бы что! А кузнецъ едва ужъ ноги тащитъ: и усталъ, и ѣсть захотѣлъ.

Наконецъ-то старичокъ вздумалъ сѣсть отдохнуть.

Тутъ кузнецъ за кошель, — развязалъ кошель, вынулъ по кусочку.

Старикъ и къ хлѣбу не притронулся — въ кошель назадъ положилъ, всталъ себѣ да въ сторонку, за хворостомъ, хворосту посбирать.

А кузнецъ весь хлѣбъ свой съѣлъ — ѣсть еще больше хочется! — съѣлъ и старичка хлѣбъ. Да чтобы концы въ воду, кошель и закинулъ. Легъ и заснулъ.

Будитъ старичокъ.

— Гдѣ, говоритъ, — кошель?

— Не знаю.

— Гдѣ хлѣбъ?

— Гляди, заяцъ съѣлъ!

Заяцъ, такъ заяцъ, ничего не подѣлаешь.

Старичокъ только смотритъ — —

И хочется кузнецу правду сказать, да какъ сказать:

вѣдь всего этакій кусочекъ съѣлъ!

— Ну, ладно, пора за дѣло. Пойдемъ къ морю, за моремъ царь живетъ, у царя дочь больна: вылѣчимъ царевну.

И дошли они до моря, а лодокъ нѣтъ.

Айда по морю. Кузнецъ едва поспѣваетъ.

Середь моря зашли, сталъ старикъ.

— Кузнецъ, ты съѣлъ мою долю?

— Нѣтъ.

И сталъ кузнецъ по колѣно въ водѣ.

— Не ты?

— Нѣтъ.

Старичокъ посмотрѣлъ — —

А у кузнеца сердце упало: признаться бъ, да какъ признаешься —

вѣдь всего этакій кусочекъ!

— Ну, пойдемъ.

*

Вышли они на берегъ и сказались, что лѣкаря:

нѣтъ ли больныхъ гдѣ?

— У царя, — говорятъ, — три года царевна хвораетъ, никто не могъ вылѣчить.

Донесли царю.

И сейчасъ же царь пришлыхъ лѣкарей призвалъ.

— Можете вылѣчить дочь?

— Можемъ, — сказалъ старичокъ, — отведи намъ особую комнату на ночь, да изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. Наутро за ночь здрава будетъ.

Отвелъ имъ царь комнату, самъ и воды принесъ.

И остались они съ хворой царевной.

Старикъ разрѣзалъ ее на-четверо, разложилъ куски, перемылъ водой и опять сложилъ, водой спрыснулъ —

царевна стала здрава.

Кузнецъ глядитъ — глазамъ не вѣритъ.

Наутро стучитъ царь съ царицей.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

Взялъ царь лѣкарей въ свою главную палату, угостилъ ихъ и открылъ передъ ними сундуки съ казной:

один сундукъ съ мѣдью,
другой съ серебромъ,
третій съ золотомъ.

Бери, сколько хочешь!

— Что, — спрашиваетъ старикъ кузнеца, — доволенъ деньгами?

— Доволенъ, — говоритъ, — доволенъ.

— И я доволенъ.

Попрощались съ царемъ и пошли изъ дворца — понесли казну большую.

*

— Пойдемъ, — сказалъ старикъ, — къ купцу, купцова дочка хвораетъ: вылѣчимъ ее, еще больше денегъ дадутъ.

А купецъ ужъ идетъ, кланяется.

— Вылѣчите, дочь больна!

— Вылѣчимъ, — сказалъ старикъ, — отведи намъ особую комнату на ночь, да изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. Наутро за ночь здрава будетъ.

Натаскалъ купецъ воды, привелъ дочь, оставилъ съ ними.

Старикъ говоритъ кузнецу:

— Видѣлъ, какъ я дѣлалъ?

— Видѣлъ.

— Ну, дѣлай, какъ я.

Кузнецъ разрѣзалъ купцову дочь, а сложить не можетъ.

И до разсвѣта бился, — ничего не можетъ.

Старикъ видитъ, кузнецово дѣло плохо, взялъ, сложилъ куски, водой спрыснулъ — стала купцова дочка здрава.

Стучитъ отецъ.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

И угостилъ ихъ купецъ и денегъ далъ.

Старикъ за деньги не брался, а бралъ кузнецъ, и напихалъ полную пазуху бумажекъ — фунтовъ десять.

— Довольны?

— Довольны, хозяинъ.

*

Простились съ купцомъ и пошли къ Волгѣ въ кузнецово село.

Старичокъ и говоритъ:

— Давай, кузнецъ, деньги дѣлить. Я отъ тебя уйду, а ты домой ступай.

И началъ кузнецъ раскладывать казну на двѣ кучки — тому куча и другому куча. Самъ раскладываетъ, а самому такъ глаза и жжетъ: вотъ подвернется рука и себѣ переложитъ.

— Что, кузнецъ, раздѣлилъ?

— Раздѣлилъ.

— Поровну?

— Поровну.

— Ты у меня не укралъ ли?

— Нѣтъ.

— Бери себѣ всѣ деньги, только скажи мнѣ: это ты тогда съѣлъ кусочекъ или заяцъ?

— Я не ѣлъ твой кусочекъ!

И сталъ кузнецъ по колѣна въ землѣ.

— Скажи, не ты ли? Деньги мнѣ не надо, все твое.

— Нѣтъ!

И сталъ кузнецъ въ землѣ по-шейку.

— Когда ты неправду говоришь, такъ провались ты въ преисподнюю отъ меня!

Кузнецъ и провалился — и деньги за нимъ пошли.

СМЕТАНА

Попъ Никаноръ только и гадалъ съ попадьей, какъ бы дочь повыгоднѣе устроить — выбрать себѣ поладнѣе зятя, мѣсто ему передать и самимъ жить на покоѣ.

Ѣздили въ домъ къ попу женихи, и ни одинъ не былъ по сердцу.

Одинъ былъ поповой дочкѣ милъ — поповъ работникъ.

И, узнай о томъ попъ, проклялъ бы дочь, да и мать не больно потакнула бъ.

Тайно отъ отца, отъ матери они о своемъ гадали —
как имъ въ любви свою жизнь устроить.

Попова дочка работника всякій день сметаной прикармливала:
принесетъ въ его каморку, поластится, пока тотъ ѣстъ, и пойдетъ опять къ себѣ.

До сметаны-то Ѳедоръ большой былъ охотникъ.

*

И дозналась попадья, что стала пропадать сметана, а куда дѣвается, не знаетъ — и на того думала, и на другого— нѣтъ, не знаетъ навѣрно, и говоритъ попу:

— Чтой-то у насъ, отецъ, сметана теряется!

— А ты, мать, накопи ведерко, я въ церковь снесу на сохраненіе, тамъ никто не съѣстъ.

Накопила попадья ведерко. Снесъ попъ сметану въ церковь, поставилъ передъ образомъ Николы, заперъ церковь и пошелъ домой.

А работникъ безъ сметаны-то и возроптал.

— Ахъ, — говоритъ, — любушка, чегой-то ты меня и сметанкой-то нынче не полакомишь!

— Да откуда я возьму! Папаша сметану въ церковь снесъ, къ Николѣ поставилъ на береженіе.

— А достань мнѣ хлѣба да ключи, я самъ тамъ управлюсь.

До сметаны-то Өедоръ большой былъ охотникъ.

Ну, она ему и хлѣба принесла и ключи.

Онъ и отправился въ церковь.

Наѣлся тамъ всласть — все ведерко слопалъ.

Да чтобы концы схоронить, взялъ да у образа Николы на ликѣ-то усы и вымазалъ, и на бороду накапалъ и на грудь накапалъ.

Заперъ церковь и домой, самъ облизывается:

«Ужъ то-то сметана-то вкусная!».

*

Подошла суббота, пошелъ попъ Никаноръ въ церковь всенощную служить, да какъ взглянетъ на образъ, — а образъ-то весь въ сметанѣ.

А ведро пусто.

— А вотъ оно что! Грѣшилъ на того и другого, а эво кто сметану-то ѣстъ!

Да икону объ-полъ.

Икона и раскололась.

Попъ схватилъ ведро и домой —

забылъ и про всенощную.

— Ну, мать, я икону раскололь: сметану ѣстъ! Только ротъ закрыть поспѣлъ, утереться не могъ, весь въ сметанѣ.

— Не ладно ты сдѣлалъ, отецъ, — испугалась попадья, — икону раскололь, тебя разстригутъ.

И давай попа отчитывать.

Попъ и опомнился: понялъ, что неладно сдѣлалъ, да ужъ ничѣмъ не поправишь.

— Испеки мнѣ, мать, подорожниковъ, я лучше сбѣгу.

И какъ ни уговаривала попадья, не послушалъ попъ — куда ему теперь, все равно разстригутъ! — сталъ на своемъ:

— Сбѣгу да сбѣгу.

Напекла ему попадья подорожниковъ.

И пошелъ попъ, куда глаза глядятъ.

*

Шелъ попъ Никаноръ по дорогѣ, — подорожники его прибрались, самъ изодрался весь, изрванился, — шелъ попъ, кричалъ къ Богу:

— Пропалъ я, пропалъ совсѣмъ!

И увидѣлъ Никаноръ, идетъ ему навстрѣчу старичокъ такой бѣлый.

Поровнялся старикъ съ попомъ.

— Куда, попъ, пошелъ?

А Никаноръ ему все и разсказалъ:

и какъ съ попадьей гадали дочь устро ть,
чтобы самимъ на покоѣ жить,
и какъ сметану поставилъ въ церкви передъ образомъ,
и какъ Никола сметану съѣлъ,
и за то раскололъ онъ икону
и идетъ теперь, куда глаза глядятъ.

— Пропалъ я, пропалъ совсѣмъ!

Слушалъ его старичокъ ласково.

— Иди домой, попъ, вотъ что! Икона-то цѣла, не разстригутъ тебя. Только не говори напередъ, будто сметану я съѣлъ. Сметану съѣлъ твой работникъ Ѳедоръ. А ты придешь домой, работника-то не наказывай, а жени его на своей дочкѣ, — это счастье ихъ. Да знай, только въ ихъ счастьѣ и себѣ покой найдешь и старухѣ своей!

И благословилъ попа пропащаго и пошелъ себѣ дорогою Милостивый Угодникъ нашъ.

ДОЛЯ

Ѣхалъ казакъ къ царю съ вѣстями, везъ царю три слова:
первое слово — о помощи Божьей,
второе — измѣна,
третье — надежду.

Ѣдетъ онъ ночью лѣсомъ. Отъ дерева до дерева свѣтятъ ему звѣзды.

И видитъ:
подъ елью что-то бѣлѣетъ.

И конь почуялъ:
непростое!

Подъѣхалъ казакъ поближе, смотритъ —
сидитъ старикъ подъ елью и вяжетъ лыко,
старый-престарый такой.

— Что это ты тутъ, дѣдушка, дѣлаешь? — остановился казакъ.

— Али ослѣпъ? Лычко вяжу.

— А для чего тебѣ лыко вязать?

— А вяжу я лычко — вяжу долю людскую.

— Лыко худое вяжешь съ добрымъ...?

— А такіе люди на свѣтѣ: одни добрые, другіе худые. И надо соединить ихъ: чтобы худые были съ добрыми, а добрые съ худыми.

— А зачѣмъ же такъ?

— А затѣмъ, чтобы шла жизнь на землѣ: соедини ты худыхъ съ худыми — и всякая жизнь прекратится, а соедини однихъ добрыхъ — и Бога забудутъ.

— Дѣдушка, кто ты такой?

— Да я, сынокъ, Никола.

Казакъ слѣзъ съ коня.

— Помолись за насъ, Милостивый Никола.

И старикъ поднялся.

— Ну, поѣзжай, казакъ, съ миромъ.

И казакъ поѣхалъ.

Ѣхалъ казакъ всю-то ночь — по звѣздамъ, везъ царю три слова, а четвертое слово — самое большое — милость Николы.

ЗА РОДИНУ

Три стороны тебѣ воля — иди куда хочешь, гуляй во всю,
а въ четвертую — ни по-ногу, своихъ не трожь:
за родину проклянетъ народъ.

*

Гулялъ Разинъ, разбойничалъ — вострая сабля въ рукахъ, за плечами ружье — охотничалъ разбойничекъ: дикая птица, двуногая, съ руками и съ буйной головой добычей была. Ухачи-воры — товарищи. Гдѣ что попадалось, все тащилъ, зря не бросалъ, и не проглядывалъ, что висло висѣло. И былъ у него большой домъ — таборъ разбойный, и хлѣба и одежды и казны вдоволь, полны мѣшки серебра.

Съ молоду было — лизнулъ онъ камень завѣчный и все узналъ, что на свѣтѣ есть. И не зналъ уже страха. И не было на свѣтѣ такого, кто бы погубить его могъ и ни пуля, ни сабля— ничто не возьметъ. И Саропскій лѣсъ приклонился предъ нимъ до земли.

Гулялъ Разинъ, разбойничалъ — Турецкое царство разбилъ, Азовское море и море Каспійское въ грозѣ держалъ.

И полюбилъ народъ Разина за гульбу и вольность:
отместитъ разбойничекъ обиду народную!

Ночь ли темная или напрасная кровь замутили разбойную вольную душу: нарушилъ Разинъ завѣтъ родителевъ — пошелъ на своихъ, своихъ сталъ обижать, не пройти, не проѣхать по Волгѣ, замаялъ.

И вышелъ у народа изъ вѣры.

*

Три стороны тебѣ воля — иди куда хочешь, гуляй во всю,
а въ четвертую — ни по-ногу, своихъ не трожь:
за родину проклянетъ народъ.

*

Вотъ онъ съ разбою ѣхалъ по Волгѣ.

Никто его не встрѣчаетъ, одинъ страхъ стоитъ по Волгѣ.

Мимо Болгаръ проѣзжалъ, про прежнюю вспомнилъ — про свою первую пощаженную встрѣчу.

Что-то скучно ему.

«Дай-ка зайду!»

Вышелъ Разинъ изъ лодки, завернулъ къ купцову полукаменному дому:

было когда-то въ домѣ веселье,
знавалъ и разгулку.

Отворила дверь сама Маша.

Смотритъ она, глазамъ не вѣритъ:

«Стенюшка ли это милый?»

— Что, Егоровна, али старъ ужъ сталъ? Съ Жегулиной горы гость къ тебѣ.

Посидѣли молча — и вспоминать не надо.

— Что-то мнѣ скучно, Маша.

А она только смотритъ — —
вспоминать не надо!

И вспомнила — обиду вспомнила и простила,
за себя простила.

И другую вспомнила обиду — и не простила.

— Истопи мнѣ, Машенька, баню, какъ бывало.

— Ладно.

И хоть бы глазомъ моргнула, — камень.

Истопила баню, снарядила въ послѣдній разъ дружка, а сама на село.

— Стенька парится въ банѣ! — кричала на все село.

Вбулчалъ старшина, нарядили народу;

кто съ дубиной,
кто съ топоромъ,
кто съ косой,
кто съ ружьемъ.

Тамъ гвалъ — тутъ гамятъ.

— Давай его сюда!

— Иди къ нему!

— Чего глядишь-то!

— Тащи его!

А ни съ мѣста.

А проходилъ селомъ странникъ, старичокъ такой бѣлый.

— Что у васъ за собраніе? — спрашиваетъ старикъ.

— Хотимъ Стеньку Разина изловить.

Посмотрѣлъ старикъ, покачалъ головой.

— Гдѣ вамъ, братцы, его пымать! Развѣ мнѣ.

Поумолкли.

Снялъ старикъ шапку, трижды перекрестился. И пошелъ къ купцову полукаменному дому.

Подошелъ къ банѣ.

Тихимъ голосомъ сказалъ:

— Степанъ!

Громко отвѣтилъ Разинъ:

— Старый хрѣнъ! Не далъ ты мнѣ помыться.

А ужъ значитъ судьба:

дѣлать нечего, сталъ собираться.

И вышелъ Разинъ изъ бани.

Поглядѣлъ на всѣ стороны, перекрестился. И пошелъ за старикомъ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Старшина, давай подводу!

Не галдѣлъ народъ.

Какъ стояли, такъ и замерли:

кто съ дубиной,
кто съ топоромъ,
кто съ косой,
кто съ ружьемъ.

Посадилъ старикъ разбойника въ телѣгу, самъ впереди сѣлъ — и съ Богомъ.

Такъ и привезъ въ городъ:

— На-те вотъ вамъ разбойника Разина въ казематъ.

Сбѣжался народъ.

Топчутся, не знаютъ, какъ и подступить.

Исправникъ говоритъ:

— Надо въ желѣзо его.

Побѣжали за кандалами. Принесли кандалы. Заковалъ его кузнецъ.

Разинъ тряхнулъ ногой —

и кандалы прочь полетѣли.

— Глупые, не поможетъ тутъ желѣзо! Дайте я его свяжу.

Взялъ старикъ моченое лыко — ноги и руки лыкомъ связалъ.

— Ну, готово, теперь ведите.

Разинъ посмотрѣлъ на старика:

— Прости, дѣдушка!

А старикъ будто не слышитъ.

— Прости, дѣдушка!

Старикъ нахмурился.

— Прости меня! — въ третiй разъ сказалъ Степанъ.

Поднялъ посохъ старикъ.

— Не прощу!

И пошелъ такой строгiй, не простой, бѣлый странникъ, не оглянулся — пошелъ по дорогѣ туда, гдѣ тихо поля родныя разстилаются и лѣсъ нагрозился.

Милостивый нашъ Никола,
гдѣ бы Ты ни былъ,
явись къ намъ!
Скажи Спасу о нашей тяжкой страдѣ,
умири ильинскій огонь,
заступи, защити русскую землю!
Благослови русскій народъ великимъ
благословеньемъ своимъ
на новую грядущую жизнь!

ЖЕРЛИЦА ДРУЖИННАЯ

къ картинамъ Н. К. Рериха —

1914-1915.

ГРАДЪ - КАМЕНЪ РЕРИХА

Изъ-за Варяжскаго моря дыбучими болотами, лядинами, дикой корбою, показался на Руси мужъ, какъ камень, съ кремнемъ и плашкой, высѣкъ жаркій огонь и сотворилъ себѣ градъ — каменъ.

И на версты вкругъ города сталъ отъ жаркихъ костровъ жаркой цвѣтъ.

А тронъ его изъ алаго мха,
царскій вѣнецъ изъ луннаго ягеля,
мечъ и щитъ изъ гранита.

За морями, за туманами шла молва о пропавшемъ викингѣ, скальды сагу сложили, великаны вспоминали —
что подолгу нѣтъ, не видать?
и сѣдой Морунъ надъ волнами по волнамъ гадалъ —
а не вернется ужъ,
никогда не вернется на родину!.
и самъ звѣрюгъ змѣй Облемай, зеленъ зеленѣе морской муравы, на ночь облизавъ холодныхъ дѣтенышей, сказывалъ слѣпышамъ долгій сказъ о смѣломъ викингѣ, ушедшемъ на Русь:

«А тронъ его изъ алаго мха,
«царскій вѣнецъ изъ луннаго ягеля,
«мечъ и щитъ изъ гранита.

Изъ-за Варяжскаго моря змѣиными тропами пришелъ на Русь мужъ, какъ камень, и жилъ въ своемъ каменномъ городѣ.

Въ осеннія синія сумерки онъ подымался на башню — и синѣли глаза его въ сумрачной сини:

за три моря видѣли.

А ночами лапландскіе нойды при мѣсяцѣ ворожили съ нимъ надъ каменнымъ поясомъ — заклинали вѣтеръ и волны.

И на версты вкругъ города отъ жаркихъ костровъ горѣлъ жаркой цвѣтъ.

Какъ свой на Руси, строилъ онъ Русскую землю.

Со Святославомъ ходилъ на Царьградъ —

и не забыть ему ночи, когда подъ Покровъ надъ Влахернскою церковью вдругъ пеленой загорѣлся жарящій огонь, ангелъ сталъ надъ огнемъ, какъ крылатый огонь, и летѣли синія стрѣлы на море, жгли русскіе корабли.

Онъ слышалъ, какъ вопилъ Перунъ на всю крещенную Русь въ Новѣгородѣ и на Волховѣ бился о бервь.

И видѣлъ онъ, какъ изъ-за Уральскихъ горъ прошли угры по Русской землѣ и, темные, канули за Карпаты.

Онъ былъ на Каялѣ-рѣкѣ съ полкомъ Игоря, сына Святославля, внука Ольгова —

и не забыть ему плача и жели, когда измѣна русскихъ князей отворила врагу ворота на Русскую землю.

Прошелъ вѣкъ и другой — — и, подъ камнемъ, снѣгомъ заваленный, слышалъ онъ, какъ грозный царь гулялъ по Руси.

И послѣдняя память погинула.

Черезъ сколько вѣковъ — вотъ и опять показался онъ на Руси, но не съ моря Варяжскаго, а изъ Костромы города, а сѣлъ въ Петербургѣ на Мойкѣ —

ужъ не Рюрикъ,
какъ величали его въ Новѣгородѣ,
а Рерихъ.

И, какъ когда-то, онъ построилъ свой каменный городъ.

Вспомнилъ, какъ сонъ, и разсказалъ о камняхъ, о морѣ, о моряхъ, гдѣ плавалъ съ дружиной, о великанахъ, о змѣѣ, о нойдахъ, объ ангелѣ грозномъ, и какъ строилась Русь, и какъ измѣна русскихъ князей отворила врагу ворота на Русскую землю.

Синь его отъ сини сѣверныхъ сумерокъ.
Зелень отъ морской муравы.
Жаркой цвѣтъ отъ жаркихъ костровъ.
Пламя отъ пламени стрѣлъ цареградскихъ.

Онъ построилъ свой каменный городъ, просторный, какъ просторное море, и вольный, какъ вольность Господина Великаго Новгорода.

И жаркой цвѣтъ отъ жаркихъ костровъ загорѣлся по Русской землѣ.

1915 г.

ГОРОДЪ СТРОЯТЪ

Красенъ красный вѣковой боръ!
— шумятъ думные кедры —
не двинется, не шелохнется;
и лишь падаютъ шишки къ замшилымъ корнямъ, да живая каплетъ смола съ молодыхъ елокъ.

Полднемъ, какъ въ полночь.

Только тамъ, межъ вершинъ, видно ясное небо — и гуляетъ вѣтеръ-вершинникъ.

На угорѣ дремучъ боръ.
— шумятъ думные кедры —

*

Въ заповѣдное, гдѣ жила человѣчья не бластилось, и самъ дебренный звѣрь загужался,

пришли бѣлые старцы,
а за старцами бѣлой станицей чадь съ топорами.

Сномъ не вѣдали сосны —
На-вѣсти елямъ не провѣстилъ вершинникъ —

А какъ забуранитъ!
— подъ топоромъ пласнулась ель —
— бахнулась съ шумомъ сосна —
Въ чащѣ верескъ и трескъ.

— и шумѣли, шумѣли думные кедры —

*

Порѣдѣлъ дремучъ боръ нехожанный.
На зарѣ прошла просѣка —
и желтѣлъ песокъ у холоднаго моря.
Потянуло съ холоднаго моря —
бѣлая береза заплакала.

Гдѣ скрыть темная? Нѣтъ провалища!
Раставрался боръ.

*

На вольготѣ — склоть, день-деньской копошатся.

Тамъ рыли канавы, взрывая вѣковой черноземъ; по серебрушку срубы вели, клали въ-крестъ вѣнцы башенъ; сводили крыши въ стрѣлу.

И одаль отъ холоднаго моря тянулись на шнякахъ и баркахъ великіе бѣлые камни —
основа твердыни великой Россіи.

Ужъ оживали стѣнныя укрѣпы и башни.
Башни расщурили темныя очи —
и въ бойницахъ мелькалъ глазъ человѣчій.
— а надъ башнями рѣяли черныя птицы —

1915 г.

ЗЛОВѢЩЕЕ

— почулось ли мнѣ, послышалось —

Дуй, не стой, вѣтеръ! Кипи, пѣнься, застонай, холодное море!

Хотятъ зарѣшить тебя, Русская земля —
хотятъ выкопать глаза твои кроткіе —
Полая ты стоишь, запростали мѣста измѣною.

Забѣдно мнѣ, кровь во мнѣ болитъ русская о тебѣ,
моя родина!

Вѣдь и нынѣ, какъ изстари, старые русскіе князья продаютъ тебя половцамъ недругамъ —

А съ ними кто еще не охочъ?
— недолукій, шохомъ скрывающійся отъ опасности, съ сердцемъ, какъ черствая коковка,
— наброжье бесчастное,
— русскій невѣръ, забывшій крестъ на груди, изгиляющійся надъ твоимъ именемъ,
святая Русь, надъ словомъ твоимъ русскимъ,
— чернедь безпрокая,
— колотырники, набивающіе карманъ себѣ народной казной, —

вы всѣ заодно, всѣ вы измѣнники, всѣ вы продаете — горе вамъ, горе! — заповѣдную Русь въ сей злой и напастный часъ.

Дуй, не стой, вѣтеръ! Кипи, пѣнься, застонай, холодное море!

Русская земля,
кто же выполетъ костерь съ полей твоихъ?
кто оборонитъ?
кто очиститъ тебя?
Крестное ли терпѣніе народное,
кровь ли народа русскаго —
Русская земля!

Дивья тебѣ, Русская земля!
есть у тебя не въ запряти еще крѣпкіе и вѣрные сыны,
знаю, постоятъ они, сдынутъ свой щитъ, не дадутъ врагу ободать тебя.

Дуй, не стой вѣтеръ! Кипи, пѣнься, застонай, холодное море!

Кровь во мнѣ болитъ русская о тебѣ,
моя родина!
И не нять тебя, вѣрю,
не погибнешь, вѣрую,
и твоего имени завѣтнаго не исхитить.

— почулось ли мнѣ, послышалось —

Кипитъ холодное море,
кипитъ и пѣнится.
И на сѣрыхъ камняхъ, какъ черные камни,
жадное сидитъ воронье.

1915 г.

ГОРОДЪ ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайкій, какъ постень, напрасный
онъ приползъ въ пустополье подъ городъ —
кто же его чуялъ?
и чье это сердце въ тоскахъ заныло?
онъ приползъ въ пустополье,
обогнулъ бѣлую стѣну —
на башняхъ огни погасли
и не били всполохъ!
обогнулъ онъ бѣлую стѣну
и бѣлыя башни,
выглохталъ до-капли воду въ подземныхъ колодцахъ
и, стонотный,
туго стянулся кольцомъ,
скрестивъ голову-
хвостъ.

Очи его — озерина,
шкура, какъ нетина-зелень,
тяжки вольной пошевелки.

Обреченный, въ западяхъ у змія, стоялъ обложенный городъ.
А еще долго никто ничего не знаетъ и не чуетъ бѣды —
люди пили и ѣли,
женились и выходили замужъ.
И когда пришелъ часъ, забили въ набатъ —
а уже никуда не уйти!

Я помню — забыть не могу! — какъ дѣти голодныя въ ямахъ плачутъ, спрятались отъ страха въ ямы, босыя, дрожатъ, боятся, голодныя и такъ жалобно плачутъ —

а я ничѣмъ не могъ имъ помочь!

и помню еще, какъ полуживой въ грудѣ мертвыхъ смотрѣлъ на меня и рукой звалъ —

и ему я не могъ помочь!

и еще помню, какъ ползъ ко мнѣ съ перебитыми ногами и просилъ пить — —

я помню раненую лошадь, какъ стояла она и плакала, какъ человѣкъ, и потомъ упала и плакала крупными слезами и тихо стонала, какъ человѣкъ — и помню собаку — душу надрывала она своей тоской — я ее звалъ, давалъ ѣсть, а она даже и не смотрѣла на ѣду, она сидѣла на своемъ дворѣ, гдѣ все сожжено.

Гарючъ песокъ въ пустопольѣ.
Смертоносно дыханіе.
Шума вѣтра не слышно.
И лишь отъ зноя хрястаютъ камни.

Горе тебѣ, обреченный! —
ты ли виною
или терпишь за чужую вину —
Горе тебѣ, обреченный!

Очи его — озерина,
шкура, какъ нетина-зелень
тяжки волной пошевелки.
И отъ очей его больно
и холодъ на сердцѣ
и нѣтъ нигдѣ скрыти.

Знаю, много неправды...
Знаю много грѣха вопіетъ на небо —

надо грѣхъ очистить,
грѣхъ оттрудить.
И ты благослови меня въ послѣднюю минуту
ради чистоты земли моей родимой
принять кротко мою обреченную долю!

1915 г.

ДѢЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ

Стоятъ и вопіютъ люди,
видя паденіе могучаго города,
и сѣтуютъ горько,
видя гибель его.
И напрасно озираются:
не найдутъ ли его на иномъ мѣстѣ
такимъ же цвѣтущимъ и крѣпкимъ.

Что вы плачете, что стенаете, люди неразумные?

Могучъ былъ Вавилонъ, богаты и горды цари его —
казалось, вѣку не будетъ его пышной жизни.
Сильнѣе всѣхъ была Ниневія —
гдѣ Уръ халдейскій?
гдѣ Шарпурла?
Знаютъ о нихъ летучіе пески пустыни да степные орлы.
Все, что руками человѣческими построено —
руками же человѣческими и будетъ разрушено.
Таковы дѣла человѣческія:
гибель и тлѣнъ —
удѣлъ ихъ.

Перестаньте плакать! Ничего! Не скорбите, не сѣтуйте!

Пока бьется сердце и горитъ въ васъ желаніе —
живъ духъ въ душѣ

не престанетъ жизнь:
        новый городъ вы построите
и будетъ онъ краше и поваднѣе всѣхъ городовъ
        новый городъ
        окликанный!

1914 г.

СОКРОВИЩЕ АНГЕЛОВЪ

Есть въ Божьемъ мірѣ пресвѣтлый рай —
пречистое царство ангеловъ.
Весь озаренъ свѣтомъ Божіимъ стоитъ
градъ избранныхъ.
А стражъ его — великій ангелъ:
какъ свѣтъ, одежда свѣтлая
и распростерты бѣлыя крылья,
копье въ рукахъ.

Тамъ съ праведными сирины вкушаютъ золотыя яблоки
поютъ пѣсни пѣсневыя,
утѣшая святыхъ угодниковъ.
Тамъ ни печали, ни воздыханія.
Тамъ жизнь безконечная.

Дологъ труденъ путь протягливый до рая пресвѣтлаго.

Много было великихъ подвижниковъ,
много спасалось смиренныхъ отшельниковъ
и благочестивыхъ пустынниковъ
много было званныхъ на пиръ въ пресвѣтлый рай —
и не увидѣли они свѣта Божія
неизбранные
не дошли они до рубежнаго камня,
гдѣ сторожитъ великій ангелъ:
какъ свѣтъ, одежда свѣтлая

и распростерты бѣлыя крылья,
копье въ рукахъ.

Кому же открыты врата райскія?
И кто избранный изъ позванныхъ?
— чистое сердце кипенное, творящее волю Божью —
от Бога избрано,
— сердце, въ тугѣ измаявшееся —
Отъ Бога избрано,
— сердце раненое —
отъ Бога избрано,
— сердце, открытое къ людской бѣдѣ и горестямъ —
отъ Бога избрано,
— сердце обрадованное, благословляющее —
отъ Бога избрано,
— сердце униженное —
отъ Бога избрано,
— сердце, отъ обиды изнывшее —
отъ Бога избрано,
— сердце, пламенное правды ради, —
отъ Бога избрано,
— сердце, измучившееся о неправдѣ нашей, —
отъ Бога избрано,
— сердце кроткое —
отъ Бога избрано,
— сердце, готовое принять и послѣдній грѣхъ ради свѣта Божьяго, ради чистоты на трудной землѣ въ семъ жестокомъ свѣтѣ —
отъ Бога избрано,
— сердце великое Матери Свѣта, восхотѣвшей съ нами мыкаться, съ нами горевать и мучиться, съ нами послѣдними, съ нами обреченными —
вотъ сердце отъ Бога избранное,
вотъ кому открыты врата райскія.

1915 г.

ПРОКОПІЙ ПРАВЕДНЫЙ

— Тучи-сестрицы, куда вы плывете?

Отвѣчали тучи:

— Мы плывемъ дружиной, милый братецъ: бѣлыя — на Бѣлое море, на святой Соловецъ-островъ, синія — на западъ, ко святой Софіи Премудрости Божіей.

На Сокольей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Прокопій блаженный —

благословлялъ на тихую поплынь воздушныхъ сестеръ.

Унывали синія сумерки —

тамъ, за лѣсомъ ужъ осень катила золотымъ кольцомъ по опутинамъ,

синія вечернія, разстилались онѣ, синія по приволью — зеленымъ лугамъ.

Онъ пришелъ къ намъ въ дальній Гледень

отъ святой Софіи —

отъ старца Варлаама съ Хутыни.

Былъ богатъ казною —

и за его казну шла ему слава;

раздѣлилъ богатство —

и была ему честь за его щедрость.

И стало ему стыдно передъ міромъ: вотъ слыветъ хорошимъ и добрымъ и всѣ его хвалятъ! —

и развѣ не тяжко совѣстному сердцу ходить
среди грѣшнаго міра въ бѣлой и чистой славѣ?
И тогда взялъ онъ на себя великій подвигъ
Христа ради —
и принялъ, всю горечь міра.
Онъ, какъ свой, среди отверженныхъ, какъ братъ среди пропащихъ —
И соблазнились о немъ люди.

Онъ пришелъ въ судовый дальній Гледень
отъ святой Софіи.
«Бродяга! Похабъ безумный!» — такъ его привѣчали.
Оборванный, злою стужей постучался онъ въ сторожку къ нищимъ —
нищіе его прогнали.
Думалъ согрѣться тепломъ собачьимъ, полѣзъ въ собачью конурку —
съ воемъ выскочила шавка, только зря потревожилъ! — убѣжала собака.
Окоченѣлый поплелся онъ на холодную паперть.
— Кто его, безпріютнаго, приметъ,
послѣдняго человѣка?
— Честнѣйшая, не пожелавшая въ раю быть...
не Она ли, пречистая,
пожелавшая вольно мучиться съ грѣшными,
великая совѣсть міра
Матерь Свѣта?
И вотъ на простуженной паперти ровно тепломъ повѣяло —
И съ той поры домъ его —
папертный уголъ въ домѣ
Пресвятой Богородицы.

Шла гроза на Русскую землю —
никто ее не ждалъ
и жили безпечно.

Онъ одинъ ее чуялъ, принявшій всю горечь міра:
с плачемъ ходилъ онъ по городу,
перестать умолялъ отъ худыхъ дѣлъ,
раскрыть сердце друга для.
Суета и забота — кому его слушать?
ой, били его и ругали.
И вотъ показалось:
раскаленные красные камни плыли
по черному небу —
и было, какъ ночью, въ пожаръ,
и былъ стукъ въ небесахъ,
даже словъ не разслышать.
Ошалѣли отъ страха.
«Господи , помилуй! Спаси насъ!»
А онъ передъ образомъ Благовѣщенія бился о камни,
кричалъ черезъ громъ:
не погубить просилъ,
пощадить жизнь народу,
родной землѣ!
И гроза повернула —
каменная мимо прошла туча.
Тамъ разразилась,
тамъ раскололась,
за устюжскимъ лѣсомъ
и далеко засыпала камнемъ до Студенаго моря.

Онъ пришелъ въ суровый Гледень
отъ святой Софіи.
И кровомъ былъ ему домъ
Пресвятой Богородицы.
А когда насталъ его послѣдній часъ,
шелъ онъ вечеромъ въ церковь
къ Михайлѣ-архангелу.
Поджидала его смерть на Михайловомъ мосту.
«Милый братецъ, ты прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ!».

и ударила его косой —
и онъ упалъ на мосту.
И вотъ тучи-сестры принесли ему бѣлый покровъ:
въ лѣтней ночи закуделила
крещенская метель —
высокій намело сугробъ.
И лежалъ онъ подъ сугробомъ.
серебряную ночь.

*

Въ синемъ сумракѣ тихо плыли синія и бѣлыя тучи
и, какъ тучи, плыли рѣки —
синяя Сухона
и бѣлая Двина.
Зацвѣтала рѣка цвѣтами —
послѣдніе корабли уплывали:
одни въ Бѣлое море—на святой Соловецъ-островъ,
другіе ко святой Софіи въ Новгородъ Великій.
На Сокольей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Прокопій блаженный.

— Милый братецъ, помоли о насъ,
даруй тихое плаваніе!
— Милый братецъ, благослови русскій народъ
мудростью святой Софіи,
совѣстью Пречистой,
духомъ Михайлы-архангела!

1914 г.

УНКРАДА

Что стоишь не веселая —
бѣлая береза — сестра моя родимая?
или опечалила моя вѣсть недобрая,
или сердцемъ что зачуяла,
или вспоминаешь ты о чемъ?

Одну думу думаю и во снѣ мнѣ снится на чужбинѣ одинъ сонъ, и какъ скажешь о твоемъ имени —
Россія!
Русь моя!
моя родина привольная,
ширь и воля, вольность русская,
бѣлая береза — сестра моя родимая!
вся душа замучится, и растетъ тоска, какъ тьма вечерняя осеннею порой.

Вижу тебя, родина далекая —

Если бъ Богъ тебѣ послалъ на долю счастье! — много по тебѣ прошло бѣды, труда и горя — если бъ Богъ тебя помиловалъ!

Вижу тебя, родина привольная —

— — — зимы тамъ долги и темны. Бѣлый снѣгъ. Какъ завѣютъ сильные свирѣпые сиверы, наложитъ зима желѣзныя оковы на облаки и пойдетъ съ гвоздемъ: оковываетъ воды и землю, накладываетъ на рѣки и озера ледяные мосты, скрѣп-

ляетъ гвоздемъ. Зацвѣтутъ тогда окна морозными цвѣтами, замететъ путь перистымъ снѣгомъ, а по воздуху лють летитъ, нижетъ на вѣтви скатный перебранный жемчугъ. А придетъ весна, уснетъ черный сѣверный вѣтеръ, приплыветъ съ юга бѣлый, потихоньку повѣетъ. Встанутъ звѣри изъ спячки, солнце опуститъ къ намъ на дворъ золотыя качели — день и ночь стоитъ, стелетъ по лугамъ красный холстъ, сѣетъ золотомъ. А вдоль берега бѣлыми цвѣтами калина свѣтитъ темную поросль. Не замѣтишь — лѣто приспѣло. Ночи — въ терновомъ огнѣ. Звонкія пѣсни. И вьются хороводы, какъ хмель. Такъ ночь до зари. Вотъ соберется гроза, разломитъ все небо и ударитъ проливнымъ дождемъ, а за пролоемъ радуга. И поютъ, шумятъ луга. Ходитъ медвѣдь. Колесомъ пошло солнце подъ гору, повилась паутина, летитъ надъ полями. Въ красномъ гарусѣ кудрявая рябина. Ледовая роса на зарѣ. Это — осень. Унывно, тихо, прозрачно. По небу плывутъ облаки-лебеди — — А лѣсъ у насъ какъ расшумится, и ужъ въ бую и въ шуму его ничего не слышно, только слышенъ человѣчій голосъ. Это я запою тебѣ пѣсню, моя родина привольная, о твоей шири и волѣ, о вольности русской —

Русь моя!
Россія родимая!

Что же ты стоишь не веселая —
бѣлая береза — сестра моя?

1915 г.

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ

Вижу три свѣчи на родной землѣ.

Первая свѣча нескорая въ подземельѣ у лютаго чернаго пороха —

грозная: за святую Русь и Москву сожгла.

— Эй, подкопщики, зажигальщики, вашъ часъ насталъ!

воску- яраго-свѣча затеплилася...

А вторая свѣча скорая въ чистомъ полѣ въ красномъ шатрѣ

передъ Спасомъ заступающимъ —

— Помилуй насъ!

Третья свѣча — страстной огонь — въ сердцѣ святой Руси передъ Софіей Премудростью,

милосердой, скорбѣющей за весь міръ.

За святую Русь помилуй насъ!

1914 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

***

*

ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА (360 стр.):

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ:

БЫЛИНА О МИКУЛѢ БУЯНОВИЧѢ

Романъ-трилогія:

I. Изъ Пѣсни Слово. — II. Сказка о кладахъ. — III. Царь Буянъ.

Сто экземпляровъ книги «Былина о Микулѣ Буяновичѣ» напечатано на японской бумагѣ «Lafuma», причемъ первые тридцать экземпляровъ именные, а остальные отъ № перваго до № семидесятаго — нумерованные.

Обложка работы художника Е. Н. Ширяева.

Цѣна книги въ Европѣ 25 фр. Роскошные экземпляры всѣ распроданы.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ К-ВОМЪ «АЛАТАСЪ»:

НИКОЛАЙ РЕРИХЪ:

1) ЛАМПАДА ПУТНИКА.

2) ПУТИ БЛАГОСЛОВЕНІЯ.

ЮРІЙ РЕРИХЪ:

БУДІЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ

Изъ цикла «Легенды Духа».

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ:

ВАСИЛІЙ ЧУРАЕВЪ

Эпопея въ 12 частяхъ:

I Спускъ въ долину.

II Веліънія земли.

III Трубный гласъ.

IV Сто племенъ съ единымъ.

V Ощетиненная Русь.

VI Океанъ багряный.

VII Лобзаніе змія.

VIII Пляска во пламени.

IX Въ рабствѣ у раба послѣдняго.

X Судъ Божій.

XI Идите львами!..

XII Построеніе Храма.

Склады изданій Книгоиздательства «АЛАТАСЪ»:

Въ Парижѣ : *9bis*, Rue Vineuse, Книжн. магазинъ « Родникъ ».

Въ Нью-Іоркѣ : 310 Riverside Drive N. Y. The Edition «Alatass».